

Архимандрит РАФАИЛ (Карелин)

ПАДЕНИЕ ГОРДЫХ

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II

© Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 2000

Содержание

От издательства

От автора

Падение гордых

Книга священномученика Киприана Карфагенского

"Книга о единстве Церкви" как обличение современных расколов

Часть I

Часть II

Часть III

Часть IV

От издательства

Раскол - то оружие, которым ведет борьбу враг рода человеческого с Церковью Христовой на протяжении всего ее существования. *По тому узнают все, что вы Мои ученики, - говорит нам Господь, - если будете иметь любовь между собою* (Ин. 13, 35). И еще - в молитве к Отцу Своему Небесному: *Да будут едино как Мы едино* (Ин. 17, 22). Но столетие за столетием восстают в Церкви бури ненависти и разномыслия, разделения и разъединения; словно раны, на теле ее образуются трещины расколов. Время, а главное - всеисцеляющая благодать Христова врачуют их, однако за коротким периодом затишья - новое восстание, новая буря. Враг не отказывается от любимого оружия своего, да и вряд ли когда-нибудь откажется. Тем более что всегда находятся и люди, для которых в их непримиримой вражде против Церкви раскол - лучшее средство.

Оглянемся на уходящий XX век: что мы увидим? Так называемый старостильный раскол в Греческой Церкви, результат которого - появление нескольких различных Синодов, нескольких различных иерархий, отпавших от единой Церкви и увлекших людей за собой. Раскол в Румынии - между все теми же новостильниками и старостильниками. Раскол в Болгарии - и не один, а два. Расколы на Украине. Раскол в Грузии, правда, локализовавшийся, превратившийся, по выражению автора этой книги о.

Рафаила, скорее, в "откол". Уже почти оформившееся как раскол отпадение от Русской Православной Церкви части ее - Русской Православной Церкви Заграницей. Страшная и горестная летопись утраты единства, разделений и даже ненависти, заступающей место любви...

Что становится поводом для раскола, какую направленность носят идеи тех, кто ради них готов поступиться церковным единством? История показывает, что и повод, и направленность могут быть любые. Нежелание отказаться от того, что кажется "древним", но, однако, ошибочно, и, напротив, стремление к безудержному "обновлению", жажда либеральных реформ и неумеренная ревность о благочестии, неразборчивость в догматических вопросах и похвальное, на первый взгляд, стремление "сохранить чистоту Православия любой ценой" - все это может стать поводом для раскола, послужить для него основной идеей.

Наверное, нельзя ставить всех раскольников в один ряд: жизнь очень сложна и не нужно искусственно ее упрощать, закрывая глаза на то, что в ней особенно горько и болезненно. Когда основанием раскола становится чье-то непомерное самолюбие, чья-то безумная гордость, когда за ним - поиск материальной, политической или какой-то иной выгоды, то это, безусловно, - одна категория причин. Но когда Церкви навязывается, скажем, какое-то чуждое ей, а быть может, и прямо еретическое, учение, навязываются чуждые ее духу взгляды и идеи (или, например, уния), тогда все становится гораздо сложнее. Тем паче - когда кажется, что уклонение от истины, уклонение от Православия приняло в Церкви характер всеобъемлющий, охватило собой всех и вся. Какой страх и какая боль терзают тогда души людей, для которых спасение - единственная цель, а Православие - единственная истина, лишь исповедуя которую можно спастись! Какое смятение поднимается тогда в самой Церкви! И увы, не раз на протяжении истории христианства можно было все это наблюдать.

Однако та же история - а ее надо знать, вдумчиво изучать - свидетельствует всем, кто готов это свидетельство принять: никогда врата адавы Церкви не одолевали и никогда, по слову Спасителя, не одолеют (см.: Мф. 16, 18). Не однажды казалось, что от Церкви уже "ничего не осталось", что корабль ее совершенно разбит. Но те, кто покидал этот корабль и устремлялся создавать "свою" Церковь, погибали, а кто в терпении стяжевал душу свою в нем, спасались и видели чудо, когда корабль вновь собирался из обломков воедино и, расправив белоснежные, незапятнанные паруса свои, продолжал путь по гладкому и спокойному морю. Так было всегда, сколько существует Церковь, так будет, благодатью Божией, и до тех пор, пока не придет к нам в полночи Жених Церкви - Христос.

Страшен соблазн в церковной жизни. Что испытывали верные христиане, когда епископами (а было, что и патриархами) в Церкви становились еретики? Ведь казалось, они - это и есть Церковь, а раз так, значит, Церковь пала, согрешила, стала безблагодатной. Но проходило расставляющее все по своим местам время, и они - еретики, лжеучители и

лжепастыри - сами отпадали от Церкви, как засохшие ветви, а она оставалась - святой и безгрешной.

Страшен соблазн. И потому-то так требуется подвиг христианской аскезы, так важна личная подвижническая жизнь каждого христианина. Потому что только подвигом стяжеваются смирение и кротость, мудрость и любовь и - ставившееся святыми Отцами превыше всего - духовное рассуждение. Ведь именно эти добродетели, и прежде всего рассуждение, будут потребны, чтобы здраво и беспристрастно ответить самим себе на вопрос: можно ли смириться и потерпеть искушения в жизни Церкви ради ее единства, или же искушения эти таковы, что смириться перед ними нельзя? И опять-таки, если - последнее, то, веруя в обетования Божии и зная, что врата адовы Церкви не одолеют, ждать, пока Господь Сам все не расставит в ней - Доме Своем - по местам. А для этого ничто так не нужно, как неустанная молитва к Богу, непрестанная память о Нем, предание Ему самих себя и всей жизни нашей в каждое ее мгновение....

Нынешнее время - в жизни церковной - то затишье, за которым нередко следует буря. Море житейское беспокойно, мятежно, а раз так, то и на Церковь в любой момент могут обрушиться его валы. Уже сегодня перед нами немало проблем, которые, возможно, и разрешимы сами по себе, но при определенных "стараниях" могут стянуться в тугой узел противоречий. То есть поводов для *ищущих повода* (ср.: 2 Кор. 11, 12) более чем достаточно. Поэтому не исключено, что рано или поздно соблазн раскола вновь возникнет и в России. И следовательно, нельзя допустить, чтобы мы оказались к этому неготовыми.

Раскол рядится, как сказали мы, в разные одежды, предстает порой как нечто "совершенно новое". Но на самом деле он - древнее зло, которое не несет с собой ровным счетом ничего, кроме смерти и распада. Под его овечьей шкурой всегда скрывается враг, человекоубийца искони, отец всякой лжи и разделения, страшный лжепастырь, желающий увлечь стадо Христово за собой лишь затем, чтобы его погубить.

От автора

История повторяется. Вот почему для того, чтобы лучше понять настоящее, следует обратиться к прошлому.

Исторические события повторяются, но не точь-в-точь, а в различных комбинациях; философские идеи, уже высказанные и как будто исчерпанные в античности, возвращаются - в новых вариантах - и образуют новые системы, за которыми, однако, мы находим те же самые - повторяющиеся - концепции. В этом отношении история похожа на раскручивающуюся пружину: каждый последующий виток обладает большей площадью круга.

Вся история человечества как бы сжата и спроектирована в Священном Писании. Там мы можем найти ответы на вопросы, касающиеся главных идей мироздания, причем именно в силу грандиозности своего объема и энергетической напряженности (которую можно сравнить с плотностью

алмаза) эти - основополагающие - идеи имеют общий характер. У святых Отцов свет Библии несколько разряжен, как бы преломлен через призму, но в то же время и более конкретизирован; поэтому Православная Церковь не отделяет друг от друга библейское и свято-отеческое богословия - она читает Библию глазами святых Отцов.

Только от десяти учеников Христа (всего их было 84: 12 первоапостолов и 72 апостола) сохранились письменные тексты, а проповеди остальных вошли в устное предание Церкви, остались в ее литургике, отразились в книгах апостольских мужей и древнехристианских писателей. Поэтому древнехристианская патристика имеет для нас исключительное значение. Книги того периода были написаны киноварью из мученической крови, озарены пламенем гонений, напоены духом и благодатью раннехристианских общин. Листы этих книг, как дивные цветы, дышат благоуханием святости. В них мы ощущаем непоколебимую веру, радость надежды и глубокий мир души, которых не смогли отнять ни темницы, ни пытки, ни звери Колизея, ни сам ад, вступивший в борьбу с Церковью.

Особое место в христианской литературе первых трех столетий занимают творения священномученика Киприана, епископа Карфагенского, одинаково почитавшегося и на Востоке, и на Западе. Он был примером и образцом христианского пастыря - строгого и милосердного, мудрого и бесстрашного, который всю жизнь вел борьбу с врагом более опасным, чем языческие гонения: с внутренним коварным врагом - ересями и расколами. Книги святителя цитировались на Соборах как древнее христианское предание, как чистое учение Церкви. Среди его драгоценного наследия самым известным произведением является "Книга о единстве Церкви".

Ее отличает ясность и законченность мысли, глубина духовного познания Библии, спокойствие и особая величественность речи, бесстрашное обличение внутренних врагов Церкви, в котором звучит пророческое вдохновение и в то же время любовь к грешникам. В этом труде были поставлены и решены основные вопросы экклесиологии. Он пользовался в древней Церкви таким же авторитетом, как впоследствии христологические произведения святителя Афанасия Великого и экзегетические - святителя Иоанна Златоуста. Через "Книгу о единстве Церкви" говорит с нами священномученик Киприан Карфагенский, а через его уста - Дух Святой, Дух Истины.

Священномученик Киприан жил в первой половине III века и принял венец мученика при императоре Валериане в 258 г. Мученическим подвигом была вся его жизнь. Он страдал за тех, кто во время гонений подвергался истязаниям и казням, он молился, чтобы Господь укрепил их и не дал отпасть от веры. Его любовь к пастве превращалась в незримую миру боль и пытку, его сердце разрывалось при виде того, как еретики и раскольники, прокрадываясь, как волки ночью, в Церковь, расхищали Христово стадо и выносили свою добычу за ограду. Раскол оказался многоликим. Он боролся с Церковью слева и справа, как во время сражения, когда вражеские отряды хотят окружить войско со всех сторон. Один раскол возглавлял Фелицисим -

клирик, отрекшийся от Христа во время гонений; он требовал, чтобы его и всех отступивших Церковь приняла без покаяния в том же сане. Другие раскольники - последователи Новациана, - напротив, считали, что под пытками отрекшиеся от Христа недостойны снисхождения и должны быть навсегда отлучены от Церкви. Эти раскольники сравнивали отступивших с нечистыми животными, запрещенными в пищу по Закону Моисея, а также с трупами, к которым запрещено было прикасаться священному роду. Третий раскол произвел некто Максим, объявивший себя епископом Карфагена и попытавшийся привлечь на свою сторону ряд иерархов, и в том числе епископа Рима.

Церковь похожа на осажденную крепость, а гонения - на штурмы крепости, следующие один за другим. Раскол же - это заговор и мятеж внутри крепости, разделение в рядах ее защитников: те, кто вчера вместе сражались с одним противником, сегодня оказались врагами друг другу. Гонения - это стрелы, летящие в грудь и лицо, от которых еще можно как-то защититься. Раскол - это неожиданный и коварный удар кинжалом в спину. Нужна мудрость и твердость военачальника, чтобы отразить врагов, нападающих с двух сторон, и не дать захватить крепость. Дошедшие до нас творения святителя Киприана в большинстве своем представляют собой увещания христианам во время гонений быть мужественными исповедниками Христа перед лицом смерти, а также - обличения раскольников, разрывавших единство Церкви подобно тем, кто пытается поджечь корабль во время бури.

(Часть I)

Свою книгу священномученик Киприан начинает словами Христа, обращенными к ученикам: **Вы - соль земли** (Мф. 5, 13). Как соль не подвержена гниению, так христиане в этом растленном и богоборческом мире являются носителями духа нетления, чистоты, неведомой для язычников, и благодати - Божественной силы, просвещающей мир.

Священномученик Киприан убеждает свою паству в необходимости с простотой и незлобием "соединять мудрость" (*Священномученик Киприан Карфагенский. Книга о единстве Церкви. С. 176*) (1) и умение предусматривать хитрости демона, который, как паук - паутину, вяжет для христиан сети, стремясь опутать весь мир. Святой говорит, что тайных врагов следует бояться больше, нежели явных, раскола - больше, чем гонений. Во дни гонений "легче уберечься", так как очевиднее "опасность" и враг "объявляет о себе", а через раскол демон "тайно подкрадывается" скрытыми подходами, "неприметно подпалзывает", отчего, кстати, и получил "название "ползуна" или змия" (Там же). Таким образом, гонения и преследования христиан во времена неронов и диоклетианов (или - совсем недавно - кровавая инквизиция атеистов) не так страшны и опасны для Церкви, как ее внутренние враги: раны от зубов хищных зверей могут зажить и зарубцеваться, а укус притаившейся змеи почти всегда несет смерть.

Поэтому грех раскола по своим последствиям более пагубен, чем злодеяния Тамерлана, возводившего холмы из отрубленных голов христиан и пирававшего на помостах, под которыми лежали раздавленные младенцы.

Гонители убивают тело, но бессильны причинить вред душе. Раскольники убивают душу. Сатана может явиться в образе Ангела света, демон может говорить о мире и истине, но это - обольщение: оружие князя тьмы - "ласкательно-лживые слова", его змеиная "песнь" вводит в заблуждение "неосторожных и легковверных" (Там же. С. 176-177). Дьявол - спорщик и диалектик. Его ум - после падения - превратился в неиссякаемый источник коварства и хитрости. Переговорить демона трудно, однако он не имеет сердца, он пуст внутри. Священномученик Киприан учит, что главным средством, позволяющим распознавать сатанинскую сущность, таимую под видом "добрго Ангела", вечный мрак, скрывааемый внутри искусственного света, является для христианина правильная духовная жизнь, исполнение заповедей, которые служат непоколебимой основой для опытного богопознания. Это Православие не только ума, но еще и сердца.

Православие ума - это вера в то, чему учит Церковь. Православие сердца - это возможность ощущать духовный мир, отличать темные и светлые силы, добро и зло, ложь и правду. Православное сердце сразу же почувствует во всех ересях и расколах, как бы ни были они замаскированы, чужой смертоносный дух, подобный смрадному запаху тления, исходящему от трупа (как бы тот ни был умащен духами). Человеку, имеющему эту духовную интуицию, тяжело быть среди еретиков и раскольников, его сердце глухо ноет, как будто сдавленное камнем, оно чувствует то, что скрыто за словами, - богоборческий дух (который в оккультной литературе часто - конспиративно - называют "духом Прометея").

Священномученик Киприан пишет, что тот, кто не имеет правильного руководства в духовной жизни, поневоле "будет колебаться", увлекаясь "духом заблуждения", что тот, кто не держится истинного спасительного пути, "не достигнет спасения" (Там же. С. 177). Единственно спасительный путь - это сама Церковь. Достичь спасения - значит достигнуть Вечной Жизни, соединения души человека с Духом Святым. Ложный путь уводит человека от цели, и чем усерднее идет человек по ложному пути, тем дальше и быстрее удаляется от нее. Поэтому "подвижничество" раскольников - это усердное бегство от Бога.

Святитель Киприан пишет, что после Пришествия Христа на землю демон "увидел идолов оставленными, жилища свои и капища..... опустевшими" и прибегнул к более тонкому лукавству и хитрости, к новому обману - "самым именем христианина обольщать неосторожных" (Там же. С. 178). Древняя ложь - это языческое многобожие, когда падшие ангелы под видом богов принимали служение и поклонение обольщенных ими людей. "Новый обман" - это ереси и расколы, когда дьявол привлекает к себе людей игрой в благочестие.

Расколы основаны на тщеславии, на противопоставлении себя Церкви. В расколе Православие превращается в театральные постановки, а исповедание

христианства - в рекламные афиши, приглашающие в раскольничью молельню, в которой раскольники обещают самое чистое, самое духовное Православие, "сохраненное только у них". Некоторые люди вводятся в заблуждение тем, что раскольники и еретики совершают продолжительные службы, содержат строгие посты, оказывают помощь нуждающимся и т. д. В книге "Луг духовный" Иоанна Мосха рассказано о монахе-подвижнике, последователе еретика Севера, проводившем дни в безмолвии и молитве. Это соблазняло некоего православного, так как он не видел подобного подвижничества среди своих. Он обратился к Богу с мольбой открыть ему, что это значит, и увидел над мнимым подвижником черного голубя, как будто испачканного сажей, - образ того духа, которой принимал молитвы еретика (см.: *Иоанн Мосх. Луг духовный. Сергиев Посад, 1915. С. 128-129*).

В книге святителя Григория Великого "Собеседования" есть рассказ о том, как демон под видом странника пришел к одному италийскому епископу и попросился на ночлег. Епископ Духом Святым узнал, что пред ним не человек, а диавол, и отогнал его прочь. Тогда демон стал ходить по улицам города, громко жалуясь прохожим на жестокость епископа. Один из жителей пригласил демона к себе, приготовил трапезу и усадил у камина, чтобы гость обогрелся. Вдруг мнимый странник схватил ребенка - сына хозяина дома, бросил его в пылающую печь и исчез. Диакон Петр, собеседник святителя Григория, услышав это повествование, с удивлением спросил: "Владыка, как допустил Господь, чтобы человек за свое гостеприимство был так страшно наказан, ведь за такое добро надо было бы ожидать не проклятия, а милости Божией?" Святитель ответил, что италиец приютил странника, считая себя более милостивым и богобоязненным, чем епископ; он пригласил странника в свой дом как раз потому, что странник хулил архиерея; он своим поступком хотел показать людям, что архиерей не исполняет заповеди Божии. Италиец принял странника-демона не из любви к Богу, а из неприязни к архиерею и поэтому получил по заслугам (см.: *Святитель Григорий Великий. Собеседования о жизни италийских отцов и о бессмертии души. М., 1996. С. 54-55*).

Так и в расколе: и молитва, и милостыня питаются гордыней - это не добродетели, а противостояние Церкви. Их, раскольников, показное добро - лишь средство оторвать людей от Церкви. Поэтому в расколе и ереси почти нет тайной милостыни, там милостыня сопровождается очернением Церкви, там молитва и добрые дела сопровождаются "барабанным боем". Один из оптинских старцев рассказывал, как девушку, которая вставала по ночам на молитву без благословения духовного отца и самовольно клала множество поклонов, будил демон в виде Ангела и поощрял к такой молитве. Злой дух не только не мешает, но, наоборот, радуется "подвижничеству" раскольников и еретиков, так как он и сам "подвижник" - в борьбе против Бога. Ему не страшна молитва гордого сердцем, ибо в Священном Писании сказано: ***Молитва его да будет в грех*** (Пс. 108, 7). Дьяволу смешны их, раскольников, бдения и посты, так как он сам не спит и не ест, но от этого не становится святым.

Святитель Киприан пишет: "Он <демон> (2) изобрел ереси и расколы, чтобы ниспровергнуть веру, извратить истину, расторгнуть единство" (*Священномученик Киприан Карфагенский. Книга о единстве Церкви. С. 178*) - здесь сатана назван изобретателем и источником ереси и раскола и духовным отцом всех отступников от Церкви. Из его чрева текут мертвые воды раскола, они, начинаясь в аду, растекаются по всей земле и снова собираются в преисподней. По словам Апокалипсиса, сатана - древний змей - сорвал с небес своим хвостом треть звезд (см.: Откр. 12, 4). Глава этого дракона - гордыня, хвост его - ложь, треть звезд - Ангелы, которых он оторвал от Бога и увел за собой. Раскол в Небесной Церкви - это первая мировая трагедия, это катастрофа, которая потрясла мир. Если бы не было греха раскола, то первоангел не превратился бы в сатану, спрута, который своими кольцами охватил всю землю, присосался к ней и пьет ее кровь. Ангелы не превратились бы в демонов - чудовищ ада, наши праотцы не были бы введены Люцифером в грех богоборчества, и жизнь человека на земле была бы блаженной, как на Небесах - у светлых духов, созерцающих Бога. Поэтому раскол в Небесной Церкви - начало всех грехов. Человеческие преступления и злодеяния на протяжении всей истории - как бы эхо греха первоангела, а все грехи многочисленных расколов на земле - лишь подобие восстания сатаны против Бога в Небесной Церкви.

Святитель Киприан Карфагенский говорит, что сатана через раскол "восхищает людей из самой Церкви и, когда они видимо приближались уже к свету и избавлялись от ночи века сего, снова распростирает над ними, не ведома им, новый мрак" (Там же). И раскольники "называют, однако же, себя христианами и, блуждая во тьме, думают, будто ходят во свете" (Там же). Так заблудившийся путник болотные огоньки принимает за огни родного дома, спешит навстречу им и увязает в трясине. Так неопытные подвижники мертвый фосфорический свет падших духов принимают за свет явившихся к ним небожителей.

Господь назвал диавола лжецом и человекоубийцей (см.: Ин. 8, 44): демон лжет, чтобы погубить, и действительно губит тех, кто поверил в его ложь. Сатана - дух лжи, поэтому даже прямая истина, высказанная им, на деле оказывается обольщением через правдоподобие.

Мы читаем в Деяниях апостолов, как бесноватая служанка кричала вслед Павлу и апостолам: ***Сии человеки - рабы Бога Всевышнего*** (Деян. 16, 17), однако святой апостол Павел, как сказано, ***вознегодовав*** (Деян. 16, 18), возмутился тем, что сатана захотел показать себя свидетелем истины (которую на деле ненавидит), чтобы вызвать одобрение апостолов, - возмутился и запретил демону, говорящему устами служанки, и беспрорицания оставил ее (см.: Деян. 16, 18).

Демон, отпавший от Небесной Церкви, не может говорить истину. Как змея, собирающая нектар с цветов, превращает нектар в яд, так и раскольники, покинувшие Церковь - ***столп и утверждение истины*** (1 Тим. 3, 15), - уже навеки потеряли истину, их устами говорит тот, кто первый восстал против истины.

Характерно, что священномученик Киприан ставит ересь и раскол рядом - как один грех богоотступничества, который имеет неизбежный конец - вечную гибель.

Священномученик Киприан рассматривает веру, истину и единство в неразрывной взаимосвязи. Раскол ниспровергает веру, извращает истину и расторгает единство. Восточные патриархи в "Окружном послании 1848 года" пишут, что чистота веры хранится в единстве любви, что вне единства не может быть чистоты вероисповедания; форма единства - соборность, которая является свидетельством жизненности Церкви и гарантом истины. Это послание имеет каноническое значение. Разрушение единства Церкви может происходить через узурпаторство власти (как провокацию против соборности), что мы видим в лице римского первосвященника, и через расколы, которые похищают и присваивают себе имя и достоинство Церкви. Поэтому церковный монархизм и раскол - это грех против единства и любви. В первом случае истина становится не свойством благодати - Духа Истины, действующего в Церкви, а принадлежностью присвоенного человеку титула, как бы имуществом римской кафедры. Во втором - каждый ересиарх и раскольник, восставая против Церкви, - в сущности, претендует на ту же безошибочность своих мнений, что и римский папа.

Святые Отцы пишут, что еретики и раскольники обречены на гибель задолго до Страшного Суда. В первом псалме сказано: **Не устоят нечестивые на суде** (Пс. 1, 5). Суд предполагает оправдание или осуждение, но нечестие - это грех против веры, и нечестивые - уже с клеймом приговора, как с печатью Каина на челе. Для грешников есть еще надежда, эта надежда - молитвы Церкви. Для раскольников нет Церкви, поэтому их смерть - вечное богооставление. Пока рыба находится в воде, она не понимает, что такое вода. Лишь когда ее поймают в сети, бросят на берег и она начнет задыхаться, узнает она, что вода - это жизнь. Только после смерти человека душа понимает до конца, что такое Церковь и что значит навеки лишиться ее молитв.

Итак, Господь назвал демона лжецом и отцом всякой лжи (см.: Ин. 8, 44). Святой Киприан пишет, что демон не может не лгать, так как он - древняя ложь. Во время искушения Господа в пустыне сатана приступил к Нему со словами, заимствованными из Священного Писания: сатана, словно теолог, цитировал Библию (см.: Мф. 4, 6). Слова, которые пророк и псалмопевец Давид называл светом на пути земной жизни (см.: Пс. 118, 105), в устах демона превращаются в губительную сеть. Господь отразил обольщение сатаны, указав на истинный смысл библейских заповедей, но последним словом Господа было заклятие: **Отойди от Меня, сатана** (Мф. 4, 10). Люди, пытающиеся использовать цитаты из Библии и святых Отцов как доводы в своей борьбе против Церкви, похожи на воинов, которые получили оружие против врага, но этим оружием смертельно ранят самих себя и тех, кто рядом с ними. Раскольники делают то же самое, что и сатана: ссылаясь на церковные правила и святых Отцов, они искажают и извращают дух и смысл их учения; поэтому православный христианин во время

подобного духовного искушения должен ответить врагам словами Христа: "Отойди от меня, сатана".

Демон являлся подвижникам в виде Ангела света, он будил их на молитву, рассуждал о Священном Писании, прорицал - через них - будущее так, что люди считали этих подвижников прозорливыми и даже пророками; демон предупреждал об опасности, посылал вещие сны и т. д. Он приступал даже к таким великим подвижникам, как преподобные Симеон Столпник и Петр Афонский, и только благодать Божия и чистота сердца открывали им истинное лицо этого "доброего друга" и "пришельца с Неба": под мнимым светом они видели непроницаемый мрак, под ангельской красотой - безобразное адское чудовище..... Но сколько неопытных людей поверило внушениям сатаны, поверило видениям демонов и поклонялось им как Ангелам и даже как Самому Христу! Демон искушает слева, показывая грехи в самом обольстительном виде; он искушает и справа - через ложные добродетели, в основе которых лежат гордость и самомнение.

Святитель Киприан пишет: "Таковы льстивые козни врага, который, по слову апостола, *принимает вид Ангела света* (2 Кор. 11, 14) и своим служителям дает вид служителей правды <они, как артисты, гримируются под святителей Афанасия Великого, Марка Ефесского, защитников веры, или - под преподобных Макария и Антония, отцов монашества; раскол - это не жизнь по заветам Православия в смирении и удалении от мира, а - театральная демонстрация Православия со скандированием лозунгов>, между тем как они <раскольники> возвещают ночь вместо дня <ложь вместо правды>, погибель вместо спасения <обещают привести к вершине Синая и толкают в пропасть>, отчаяние под покровом надежды <ложная надежда, как всякая утопия, кончается отчаянием: уже при жизни душа раскольника чувствует необъяснимую тоску и тяжесть, а в час смерти открывается перед еретиком сущность раскола как бездонной черной ямы, в которой гаснут навсегда вера, любовь и надежда>, вероломство под предлогом веры <раскол всегда сопряжен с обманом, который раскольники называют тактикой; а свои преступления они оправдывают "заботой" о Православии, как будто Бог нуждается в защите грешника>, антихриста под именем Христа <в лжецеркви должен быть лжехристос, демон под видом Божества; здесь имеется еще и другой смысл: всякий раскол, борясь с Церковью, расширяет царство ада и пролагает путь грядущему антихристу> и, прикрывая ложь правдоподобием <правдоподобие - самый опасный и поэтому самый худший вид лжи: чтобы поймать птицу, под сетью насыпают зерна, чтобы травить крыс, в приманку подкладывают незаметно яд>... уничтожают истину <истину заменяют правдоподобной ложью, как алмаз в перстне - поддельным камнем>" (Там же).

Характерно, что раскольники считают все остальные расколы, кроме своего, гибельными и ложными, возникшими под действием страстей и гордыни, видят в них нелепости и противоречия, а свой собственный раскол, мало чем отличающийся от прочих, принимают как единственное счастливое исключение во всей истории Церкви. Более того, раскольник утверждает, что

это Церковь отпала от него, а не он - от Церкви: так пьяному кажется, что он шагает твердо, а дома и деревья сами качаются, земля сама колеблется; когда же он упадет где-нибудь под забором, то думает, что мостовая неожиданно поднялась вверх (как вздымается волна на море) и ударила его по лбу.

Святитель Киприан говорит, что раскольники "не обращаются к началу истины" (Там же. С. 179), то есть к Священному Писанию, иначе им было бы "легко удостовериться... кратким изложением истины" (Там же).

Он приводит слова Спасителя из Евангелия от Матфея о том, что *врата ада не одолеют Церкви* (ср.: Мф. 16, 18). Для христианина достаточно одних этих слов, чтобы поверить в то, что Церковь останется непоколебимой перед злыми силами - демонами и людьми, адом и богоборческим миром, как утес среди бушующего моря: волны несутся друг за другом к береговым скалам, как отряды воинов - на штурм крепости, и, ударяясь о гранитную стену, как остатки побежденного войска - откатываются назад.

Раскольникам кажется, что волны разобьют утес и море поглотит его, как чудовище - своей огромной пастью. Они забывают слова Спасителя, Который сказал, что Он построит Церковь *на камне веры*; таким образом, раскол - это неверие в слово Божие и малодушие перед силами ада, который побежден Христом.

Мы живем не знаниями слабого разума, а верой - как Откровением Абсолютного Божественного Ума. Раскол - это противопоставление евангельской Истине человеческого представления об истине, противопоставление Божественному Логосу паутины своих, человеческих, рассуждений. Вера - это подвиг духа, который преодолевает все сомнения и испытания. Раскольникам не во что верить, точнее, им остается верить только в самих себя.

Священномученик Киприан обращается к Ветхому Завету и приводит слова из Песни песней: *Едина... моя, совершенная моя* (Песн. 6, 8; церковнославянский перевод). Эти слова он относит к Церкви, как и другие экзегеты - толкователи Священного Писания (святитель Григорий Нисский, блаженный Феодорит Кирский). Она *едина* (единственная), значит, не может быть другой Церкви, она *совершенная*, поэтому не может быть новой Церкви (совершенство не нуждается в перемене). Библия написана Духом Святым, поэтому в ней не может быть противоречий и двусмысленности. Экзегеты Библии единодушно утверждают, что Церковь останется благодатной и спасительной, переживет гонения антихриста и встретит Господа в Его Втором пришествии на землю.

Первый раскольник сказал: "Бог - это я". Новые раскольники - его дети - повторяют: "Церковь - это мы".

Святитель Киприан Карфагенский считает, что если бы раскольники действительно верили Библии, то нечего было бы доказывать, так как истина была бы очевидна.

Православная Церковь заповедала нам изучать Священное Писание, но при этом руководствоваться разъяснениями святых Отцов, а не собственными мнениями - плодом нашего нечистого и страстного сердца.

Раскольники же, ссылаясь на библейские тексты, игнорируют святоотеческое толкование, чем искажают их смысл и символику; поэтому каждый раскольник претендует на роль оригинального экзегета Библии.

В теории относительности, которая такие категории, как пространство и движение, рассматривает абстрактно, существует известный парадокс: с точки зрения математического анализа невозможно доказать, ребенок ли, прыгая, оторвался от земли, или земля - от ребенка (ребенок сделал прыжок вверх от поверхности земли, которая при этом осталась неподвижной, или же земля двинулась вниз - при этом ребенок рассматривается как неподвижный объект); ребенок оторвал подошвы от земли, или земля оторвалась от подошв ребенка. Но что бы ни утверждала теория относительности, мы видим здесь очевидный (аксиоматический) и логический абсурд. Раскольники повторяют такую же логическую нелепость, когда утверждают, что они стоят непоколебимо на месте, а вся Вселенская Церковь оторвалась от их ног и ушла вниз - в пропасть ереси и космическую пустоту.

Раскольники утверждают, что они не отошли от Церкви, что они сами - Церковь, что у них есть свой епископат и свое священство и что они сохраняют чистоту веры. Отвечая на эти гордые притязания, святой Киприан пишет: "Можно ли думать тому, кто не придерживается... единства Церкви, что он хранит веру? Можно ли надеяться тому, кто противится и поступает наперекор Церкви, что он находится в Церкви, когда блаженный апостол Павел... показывая таинство единства, говорит: **Один Господь, одна вера, одно крещение** (Еф. 4, 5)? Сие-то единство надлежит крепко поддерживать и отстаивать нам, особенно епископам, которые председательствуем в Церкви, дабы показать, что и самое епископство одно и неразделимо. Пусть никто не обманывает братства ложью! Пусть никто не подрывает истины веры вероломною изменою! Епископство одно, и каждый из епископов целостно в нем участвует" (Там же. С. 179-180).

Здесь у святого Отца несколько важных мыслей, а именно: вне Церкви нельзя сохранить веру, так как хранительницей истины является соборная полнота Церкви; православная вера включает в себя веру в Церковь как богоданный, непоколебимый **столп истины**; раскол - это не только отпадение от Церкви, это борьба с Церковью, это сопротивление Церкви, подобно тому как раскол в Небесной Церкви - не только отпадение от Бога, но и бессильная борьба падших ангелов с Богом, сопротивление сатаны Богу, отчего сатана и получил свое имя - "противник".

Священномученик Киприан призывает всех христиан в любых обстоятельствах поддерживать и отстаивать единство, особенно это касается епископов. Святитель, как и все Отцы Церкви, свидетельствует, что епископство одно и неразделимо. Тот, кто учит иному, - лжец. Кто примыкает к отпадшим от Церкви епископам, тот поступает как вероломный изменник. Епископ вне Церкви - это лжеепископ. Как не может быть Ангела вне Небесной иерархии, так не может быть епископа вне иерархии церковной. По словам святого апостола Иуды, Ангелы, не сохранившие свое достоинство (ангельский чин) и покинувшие свое жилище, Небесную

Церковь (см.: Иуд. 1, 6), превратились в демонов, закованных в узы мрака. Чем с большей высоты пали Ангелы, тем глубже и страшнее их падение. Апостол Иоанн, а вернее, Дух Святой через апостола, называет епископов Ангелами Церкви (см.: Откр. 1, 20). Епископ-раскольник - епископ-самозванец; епископ, противопоставивший себя Церкви, - подобие падшего ангела, который последовал призыву сатаны.

Раскольники говорят: "Наш нынешний епископ или тот, кто рукополагал наших единомышленников во епископы в начале раскола, получил хиротонию в Церкви". Люцифер тоже получил достоинство и имя первоангела в Небесной Церкви, но помогло ли ему это? Напротив, дары Божии, которыми он пренебрег, любовь Божия, которой он изменил, красота и сияние, которыми он был наделен более всех Ангелов, послужили Люциферу вечным осуждением, той будущей мукой, которую Иоанн Богослов сравнивал с огненным озером (см.: Откр. 20, 10). Епископ, оставивший Церковь, которая духовно родила его и дала ему высший сан на земле, а также тот человек, который вне законной хиротонии ворует достоинство епископа, становятся служителями сатаны и епископами Люцифера. Такими-то "духовными отцами" хвалится раскол. Тех, кто залезает в чужие дома и расхищает имущество, - называют ворами и грабителями, подлежащими суду; а раскольников-епископов, которые вторгаются в чужие епархии, как воры ночью через подкоп, и расхищают не имущество, а чужие души, - как их назвать? Воры и грабители - это звучит слишком мягко, ибо они - эти "епископы" - святотатцы (воры священного) и убийцы, для них не существует закона; для них, самозванцев-узурпаторов, закон - их собственная воля и одержимость властолюбием.

Раскольники, проливая крокодиловы слезы по поводу "нарушения" канонов Церкви, на самом деле давным-давно бросили себе под ноги и попрали все каноны, потому что подлинные каноны основаны на вере в единство и вечность Церкви. Каноны даны Церкви, вне Церкви они недействительны и бессмысленны - так не могут существовать законы государства без самого государства.

Апостольский муж священномученик Игнатий Богоносец, ученик апостолов Петра и Иоанна, свидетельствует, что раскол - это прежде всего отпадение от законного архиерея и разрушение богоустановленной иерархии. В "Послании к филиладельфийцам" святитель Игнатий пишет: "Дух <Святой> возвестил мне, говоря так: "Без епископа ничего не делайте, блюдите плоть свою как храм Божий, любите единение, бегайте разделений"" (*Священномученик Игнатий Богоносец. Послание к филиладельфийцам // Писания мужей апостольских. Рига, 1992. С. 337 [нижняя пагинация]*). И в другом месте этого же послания предостерегает: "...чада света и истины, бегайте разделения и злых учений, но где пастырь <епископ>, туда и вы, как овцы, идите.

Ибо многие волки, по видимому достойные доверия... пленяют идущих путем Божиим; но при единении вашем они не будут иметь места" (Там же. С. 335 [нижняя пагинация]). В "Послании к смирянам" Игнатий Богоносец

заповедует им: "Все последуйте епископу, как Иисус Христос - Отцу... Без епископа никто не делает ничего, относящегося до Церкви. Только та Евхаристия должна почитаться истинною, которая совершается епископом или тем, кому он сам предоставит это. Где будет епископ, там должен быть и народ, так же как, где Иисус Христос, там и Кафолическая <Вселенская> Церковь. Не позволительно без епископа ни крестить, ни совершать вечерю любви" (*Священномученик Игнатий Богоносец. Послание к смирнянам // Писания мужей апостольских. С. 343 [нижняя пагинация]*). "Прекрасное дело - знать Бога и епископа. Почитающий епископа почтен Богом, делающий что-нибудь без ведома епископа служит диаволу" (Там же).

Это - учение древней Церкви, оно передано Игнатию Богоносцу апостолами Петром и Иоанном; это учение - Откровения Духа Святого лично Игнатию Богоносцу, о чем сам святой свидетельствует в "Послании к филиладельфийцам". По его словам, обманывать епископа - то же, что обманывать Бога, непослушание епископу и утаение от него всего относящегося к церковным делам - служение диаволу. Какими же словами тогда назвать отвержение своего архиерея и отступничество от Церкви? Это, наверное, не только служба диаволу, но и подражание самому сатане. Священномученик Игнатий утверждает, что "где разделение... там Бог не обитает" (*Священномученик Игнатий Богоносец. Послание к филиладельфийцам. С. 337 [нижняя пагинация]*). А если "Бог не обитает", то какой же дух живет и действует там?

Другой ученик апостолов Петра, Павла и Иоанна - священномученик Климент, епископ Римский, - пишет коринфским раскольникам: "Ваше разделение многих развратило, многих повергло в уныние, многих - в сомнение и всех нас - в печаль, а смятение ваше все еще продолжается" (*Священномученик Климент Римский. Первое послание к коринфянам // Писания мужей апостольских. С. 141 [нижняя пагинация]*). Святитель Климент напоминает раскольникам, насколько тяжел грех раскола: "**Вспомните слова Иисуса, Господа нашего. Он сказал: *Горе тому человеку; хорошо было бы ему не родиться, нежели соблазнить одного из избранных Моих; было бы лучше для него, если бы он повесил <себе> камень жерновный и ввергнулся в море, нежели соблазнить одного из малых Моих*** (ср.: Мф. 18, 6-7; 26, 24; Мк. 9, 42; Лк. 17, 2)" (Там же). Значит, нераскаянный грех раскола еще страшнее греха самоубийства (самоубийца губит только себя, а раскольник - себя и других, поэтому его вечная участь тяжелее, чем у самоубийцы).

Священномученик Киприан приводит яркие сравнения и подобию единства Церкви. Он пишет, что Церковь - одна (едина), хотя, распространяясь по всему миру, она расширяется и дробится: "Ведь и у солнца много лучей, но свет один; много ветвей на дереве, но ствол один, крепко держащийся на корне; много ручьев истекает из одного источника... однако при самом источнике все же сохраняется единство" (*Священномученик Киприан Карфагенский. Книга о единстве Церкви. С. 180*). Единство это - онтологическое, вечное, неизменное свойство Церкви.

Церковь создана по образу Святой Троицы. Господь перед Своими страданиями молился Небесному Отцу об учениках: *Да будут <они> едино, как Мы едино* (Ин. 17, 22) - это воля Божия, это основание двух главных заповедей - о любви к Богу и друг ко другу. Иисус Христос открыл апостолам: сатана просил Бога, *чтобы сеять вас как пшеницу* (Лк. 22, 31), то есть разделить друг от друга, разбросать во все стороны, как на гумне рассеивают солому, которую уносит ветер.

Примечание:

1) Здесь и далее за исключением особо оговоренных случаев цитируется сочинение святителя Киприана "Книга о единстве Церкви" по изданию: *Священномученик Киприан Карфагенский. Книга о единстве Церкви // Творения: В 2 ч. Киев, 1891. Ч. 2. С. 176-199. - Ред.*

2) Здесь и далее в угловых скобках - текст автора. - Ред.

(Часть II)

Кто пребывает в Церкви, тот - в любви Христовой, тот вошел в молитву Христа (*Да будут <они> едино, как Мы едино*), на том исполнилось благословение и обетование Божие, тому открыт путь ко спасению. А кто покинул Церковь Божию, на том исполнилась молитва сатаны, тот оказался пустой соломой, которую унес за собой порыв ветра. Каждый получает по сердцу своему: в глубине сердца суммируется вся жизнь человека, в глубине сердца создается духовный лик человека, в глубине сердца решается роковой вопрос: с Христом человек или с Велиаром. Поэтому в раскол человек попадает не случайно: он скрытыми или явными страстями омрачает свой ум, открывает душу для внушений демона и сам, собственными руками, выкапывает себе яму.

Только через Церковь действует благодать Божия, следовательно, спастись без Церкви невозможно. Священномученик Киприан пишет: "Отдели солнечный луч от его начала - единство не допустит существовать отдельному свету <луч погаснет>; отломи ветвь от дерева - отломленная потеряет способность расти <ветвь засохнет, листья на ней увянут и превратятся в прах>, разбщи ручей с его источником - разобщенный иссякнет <от него останется каменистое русло или грязная гниющая лужа>. Равным образом Церковь, озаренная светом Господним, по всему миру распространяет лучи свои, но свет, разливающийся повсюду, один, и единство тела остается неразделенным... От нее рождаемся мы <в Вечную Жизнь>, питаемся ее млеком <Таинствами>, одушевляемся ее духом <благодатью>" (Там же).

Священномученик Киприан, как Соломон в Песни песней, сравнивает Церковь с Невестой Христовой. Он пишет, что Церковь не может быть обезображена, что она чиста и нетленна: "Она <Церковь> блюдет нас для Бога, уготовляет для Царства <Божиего> рожденных ею" (Там же. С. 180-181). Церковь чиста и нетленна, но она чиста и нетленна благодатью Божией,

обитающей в ней, а не человеческой правдой и святостью. Церковь напояет мир потоками благодати, однако в самой Церкви есть нераскаянные грешники, как бы предназначенные для гибели; но при этом грешник с ожесточенной волей, грешник, отдавшийся в рабство страстям, только внешне находится в Церкви, а на самом деле чужд ее. Луга, орошаемые водой, покрываются ковром из цветов и зелени, а камни, лежащие у самого источника и орошаемые той же водой, остаются мертвыми и безжизненными камнями. Но разве источник виноват в этом? Церковь в своей метафизической сущности свята и неизменна.

Священномученик Киприан пишет: "Всяк, отделяющийся от Церкви, присоединяется к жене-прелюбодеице" (Там же. С. 181), то есть, по его мысли, всякий раскол подобен скверному и мерзкому греху блуда. Уже у библейских пророков измена вере символически называлась блудом (это - духовный блуд). Поэтому идольские капища, где израильтяне изменяли Иегове, еретические сборища, упоминаемые в Откровении Иоанна Богослова (см.: Откр. 2, 9), и молельни раскольников представляют собой притоны духовного разврата, и во всех них одинаково растлевается человеческий дух.

Священномученик Киприан утверждает, что раскольник для Церкви "чужд, непотребен, враг ее" (Там же). А по словам Спасителя, враг Церкви, борющийся с ней, - это ад: **Врата ада не одолеют ее** (Мф. 16, 18). Значит, тот, кто борется с Церковью, не только принял подданство ада, но и вступил в его, ада, войско. Но ведь жених гораздо строже, чем своего собственного врага, накажет врага своей невесты - того, кто клеветает на нее и бесчестит ее. В связи с этим нельзя забывать, что Церковь - это Невеста Христа и Любовь Христа.

Затем святитель Киприан произносит слова, которые могут быть названы квинтэссенцией содержания его книги: "Тот не может... иметь Отцом Бога, кто не имеет Матерью Церковь" (Там же). Это изречение восходит, по преданию, к святым апостолам. Оно стало знаменитым афоризмом (правда, в несколько иной форме: "Кому Церковь не Мать, тому Бог не Отец"), имеющим достоинство догмата во все периоды церковной истории. Только в Церкви, искупленной Кровью Христа Спасителя, мы можем называть Бога и Творца вселенной своим Отцом. В Ветхом Завете Бог открывался людям под именем Эллохим (Могучий), Эль (Крепкий), Иегова (Сущий), Саваоф (Вождь Небесного воинства), Шадай (сияние и присутствие Божества). По мысли святителя Василия Великого, имя "Отец" выше других имен, так как оно открывает тайну Святой Троицы и отношение между Богом Отцом и Богом Сыном. Бог есть Любовь, а в имени "Отец" заключается глубина Божественной любви к человеку. Бог - в раю - присутствует как Отец любовью Своею, милосердием и близостью к святым; Бог - в аду - присутствует как Судия и вечно карающая Правда. Падшие ангелы потеряли свое сыновство, Бог остался Господином для Своих мятежных рабов, но уже не Отцом. Кому Церковь не Мать, для того Бог не Отец, а вечно карающее Правосудие. Так огонь для одних может быть светом и теплом, а для других - пыткой и гибелью.

Раскольники говорят: "Мы считаем свою церковь своей матерью", но их церковь - лжецерковь, поэтому их отец - лжебог, тот, кто еще до творения видимого мира выдавал себя за Бога. Воровство имен принято в магии и оккультизме. Адепты одной демонической изуверской секты называют себя "Ангелами", а сторонники другой, не менее мерзкой, - "Адамитами" - сынами Адама. Некоторые оккультные секты производят свои названия от таких слов, как "Сион", "Роза и крест" и т. д. Перед нами - издевательское употребление эмблем и имен, за которым скрыт демонический конспиративный смысл: чем большей святостью обладает имя, тем кощунственней его святотатственное присвоение. Но наши раскольники превзошли и оккультные секты, назвав себя "Православной Вселенской Церковью", - на такую наглость не дерзнули ни розенкрейцеры, ни "Приоры Сиона".

Священномученик Киприан пишет: "Находящийся вне Церкви мог бы спастись только в том случае, если бы спасся кто-либо из находившихся вне ковчега Ноева" (Там же).

По древнему преданию, Ной строил ковчег в течение ста лет. В это время он призывал своих соплеменников покаяться и тем самым отвратить гнев Божий, но над его пророчествами только смеялись. По слову Библии, *люди стали плотью* (ср.: Быт. 6, 3; Иов. 10, 11), плотью, которая как бы целиком поглотила их дух, люди уподобились земле, из которой были сотворены тела первозданных *человеков* (Быт. 6, 7), но земле, не оживотворенной дыханием Божиим. Только при свете видна тень, во мраке тени исчезают; только при свете совести человек чувствует свою греховность и нужду в покаянии. Когда умолкает и засыпает совесть, то человек перестает видеть свои ошибки, он теряет способность отличать плохое от хорошего. По словам святителя Феофана Затворника, допотопные люди отвечали Ною: "Что ты хочешь от нас, мы живем так, как живут все!", как будто бы грешника оправдывает то, что грешит не только он, а - все.

Ной строил свой ковчег не на берегу моря, а в горах, и это забавляло людей, которые считали праотца безумцем. Но время, данное для покаяния, прошло. Пророчество исполнилось. В течение сорока дней лил невиданный еще в истории мира ливень, такой, как будто небо чашей, полной воды, опрокинулось на землю. Открылись источники подземных вод, и потоки их хлынули на землю... Поднебесная и подземная бездны словно соединились друг с другом, чтобы уничтожить все живущее на земле. Люди искали убежище от водной стихии, от океана, поглощавшего землю. Одни запирались в своих домах, надеясь на крепость каменных стен, другие искали спасения на ветвях вековых деревьев, а иные ползли по скалам, думая избежать гибели на вершинах, но волны потопа преследовали людей везде и настигали их, как зверь - свою добычу. Ноев ковчег оставался единственным спасительным местом, на которое указал людям Господь, но люди не послушали голоса пророка, а добровольно избрали себе смерть. Звери и скоты послушали праотца и вошли в ковчег, а гордые люди проявили и свое неверие, и презрение к словам Ноя. Однако ни в дебрях лесов, ни в глубоких

пропастях, ни на высоте орлиных гнезд, ни в расселинах скал, ни на вершинах гор никто не нашел себе спасения.

Ковчег - образ Церкви, и вне Церкви спасения нет. Должно быть, допотопные люди имели корабли, плоты и лодки, но потоп разметал их, как щепки, и поглотил в своей пучине. Когда начался потоп, люди бросились к ковчегу, но он оказался уже закрытым. Так Церковь призывает людей к покаянию до Страшного Суда, но когда Господь придет на землю судить живых и мертвых, то врата Церкви закроются, как вход в ковчег.

Всякий раскол - это попытка обойтись без ковчега, попытка спастись своими силами, сделав из нескольких бревен свой маленький челнок. Звери спасаются в ковчеге, а люди погибают - это тоже символ: кающиеся грешники получают Царство Небесное, а гордецы, которые не захотели спастись вместе со зверями и скотами, оказываются на дне моря. Как похожи раскольники, порицающие Церковь, на тех, кто на призыв Ноя отвечал: "Как я могу находиться рядом со зверями и скотами!" Но нам неведомо, кого изберет Бог: явным грешникам легче принести покаяние, чем гордым и самовлюбленным фарисеям.

Характерно, кстати, что новозаветных раскольников - новациан и донатистов, современных святителю Киприану, называли "кафарами", то есть "чистыми",- так же, по сути, как и ветхозаветных фарисеев. Однако Евангелие показывает нам, что фарисейская чистота - это маска, под которой таится самая гнусная страсть - гордыня; о ней сказано: **Мерзость пред Господом всякий надменный сердцем** (Притч. 16, 5).

Итак, второго ковчега не оказалось, и океан, покрывший поверхность земли, превратил все убежища в одну могилу. Ныне существует множество расколов - это целая флотилия игрушечных лодочек, каждая из которых стремится заменить собой Ноев ковчег. Но их объединяет одно: они хотят спастись не верой в обетование Божие, данное Церкви, а человеческими домыслами и силами - поэтому все они обречены, всех ожидает одна участь.

Священномученик Киприан объясняет, что слова Христа: **Кто не собирает со Мною, тот расточает** (Мф. 12, 30) - означают, что поле и виноградник Христа - это Церковь, только там можно собрать плоды; вне Церкви, сколько бы ни трудился жнец, итогом его усилий и наградой за его труд будут лишь плевелы и тернии, ибо "собирающий в другом месте, а не в Церкви, расточает Церковь Христову" (Там же). Незаконно собирающий и присваивающий себе чужое богатство обманывает и грабит законного владельца, поэтому те, кто увлекает людей, кто переманивает людей в ереси и расколы, отнимает у Церкви единственное ее достояние и сокровище Божие - живые человеческие души. По отношению к живым душам такой хищник поступает как оболстатель, по отношению к Богу - как вор, по отношению к Церкви - как грабитель.

Далее священномученик Киприан снова возвращается к своей главной идее: Церковь едина и неделима. Высший принцип единства Церкви - это единство Лиц Святой Троицы: **Я и Отец - одно** (Ин. 10, 30), **Сии три суть едино** (1 Ин. 5, 7). Святитель пишет: "Кто же подумает, что это единство,

основывающееся на непременимости Божественной и соединенное с Небесными Таинствами, может быть нарушено в Церкви и раздроблено разногласием противоборствующих желаний?" (Там же). Здесь священномученик Киприан выражает мысль, что Церковь неизменяема, как неизменяемо Само Божество, что силою, скрепляющей и сохраняющей это единство, является Небесное таинство, то есть благодать Божия, живущая и действующая в Церкви. Земная Церковь не может быть разделена, раздроблена или изменена уже потому, что она едина с Церковью Небесной. Святитель Григорий Богослов пишет: "Бог не может лгать, иначе Он перестал бы быть Богом". Господь дал Церкви Свои обетования, они не могут быть нарушены или изменены, иначе должен был бы измениться Тот, Кто их произнес.

Раскольники говорят: "Мы хотим сохранить чистоту веры". Священномученик Киприан отвечает им: "...не хранящий такового единства не соблюдает закона Божия, не хранит веры в Отца и Сына, не держится истинного пути к спасению" (Там же); раскольник не соблюдает закона Божиего потому, что единство Церкви - это закон Божий, данный на Синае и в Сионе. Принципом и центром этого единства в Ветхом Завете был Иерусалимский храм, единственный в мире храм Истинного Бога, а в Новозаветной Церкви основой единства является единство иерархии, особенно полно и глубоко проявляющееся в литургическом общении.

Раскольник не хранит веры в Отца и Сына, так как раскольник не верит в обетование Бога Отца, открывшего Себя в Ветхом Завете, явившего Моисею в Откровении на Синае образ единой Скинии, как символ единства Церкви; он не верит в Бога Сына, сказавшего в Новом Завете, что ад не победит Церковь (см.: Мф. 16, 18); он не верит и в Духа Святаго, основавшего Церковь и обитающего в ней. Не веря или сомневаясь в обетованиях Божиих, данных Церкви, раскольник отвергает веру в Святую Троицу: если "врата ада" одолели Церковь, значит, они превозмогли обетование Божие, значит, они победили Того, Кто обещал хранить Свою Церковь.

Раскол не держится истинного пути. Там, где среди гор и пропастей пролегает только одна дорога и один неверный шаг влечет за собой падение в обрыв и гибель, там, где над бурной рекой проведен один узкий мост и нужен опытный проводник, раскольники пренебрегают всем, считая, что им лучше известен "истинный" путь.

Раскольники говорят: "Мы - церковь", - следовательно, огненные языки, образовавшие Церковь, погасли. Раскольники говорят: "Мы остались с церковью, а вы отпали от нас" - что это значит? Капля дождя кричит облаку: "Ты отделилось от меня!", брызги волны, упавшие на берег, считают, что не они выброшены из пучины, а океан отделился от них, пылинка, уносимая ветром, уверяет, что земля уносится от нее, волосок, выпавший из гривы льва, сетует: "Бедный лев, он висел на мне, что теперь будет с ним без меня?", камушек, скатившийся с горы, сказал: "Смотрите, скала оторвалась от меня!" - то же самое утверждают раскольники, когда уверяют, что не они отпали от Церкви, а Церковь отпала от них. Впрочем, между камушком и

горой, каплей воды и океаном намного меньше различий, чем между группой самозванцев-авантюристов и Вселенской Церковью. Из огромного количества камушков может образоваться подобие горы, из бесчисленных капель - море, а из раскольников, хотя бы они по численности превзошли всех людей, живущих и живших на Земле, никогда не образуется Церковь. Разве только расширится чрево ада и потолстеет сатана!

Начало Церкви - превечный Свет Божественной Троицы, начало раскола - ложный, мертвый, фосфорический свет Люцифера. Он кажется сиянием и блеском для неопытных и погруженных в страсти, но подвижники видели этот свет в виде дымного, кровавого пламени.

Начало Церкви - Логос - Премудрость и Сила Божия. Начало раскола - хаос. Внешне он проявляется как ломка церковной структуры, как отвержение иерархии; внутренний хаос раскола - это разномыслие, противостояние не только Церкви, но и друг другу, это усиливающееся противостояние мнений. Хаос раскола - это не библейский первозданный хаос как еще не оформившееся вещество, первоматерия, а хаос как деструктивная сила, как центробежное движение от центра в пустоту периферии, как духовная, нравственная и интеллектуальная энтропия.

Сила, вызвавшая к жизни Церковь, - это любовь Бога к Своему творению. Сила, вызвавшая раскол, - это гордость и властолюбие Ангелов и людей. Основа Церкви - Крест и Жертва, Распятие и Воскресение Христа, мистически продолжающиеся в Евхаристии. Основа раскола - восстание Ангелов, которое началось на Небе и продолжается на земле. Эхо этого восстания звучит как призыв к мятежу в человеческом сердце. Основа раскола - распад, разделение и дробление. Надежда Церкви - обетование, данное Богом. Надежда раскола - надежда на собственную праведность, замена Божественного Откровения, слова Божия человеческими мнениями.

Дух Церкви - это дух смирения. Образ смирения - Сам Христос, несущий на Голгофу крест. Дух раскола - сатанинская гордыня, которая не терпит, чтобы кто-нибудь был выше ее. Образ этой гордыни на земле - строительство Вавилонской башни, которая должна была, по замыслу богоборца Нимрода, достигнуть небес, но рухнула под собственной тяжестью.

Господь просил Небесного Отца, чтобы Его ученики были едины, эта молитва исполнилась в единстве Церкви. Видимым принципом единства является церковная иерархия, поэтому священномученик Игнатий Богоносец говорит: "...которые суть Божии и Иисус-Христовы, те с епископом" (*Священномученик Игнатий Богоносец. Послание к филиладельфийцам. С. 335 [нижняя пагинация]*). Сатана просил разрешения рассеять учеников Господа, то есть Церковь, во все стороны, как пшеницу, но Господь само зло обратил к добру: бури гонений, ересей и расколов рассеяли во все стороны пустую шелуху, тех, кто, по словам апостола Иоанна, были с нами, **но не были наши** (1 Ин. 2, 19), а полные зерна остались в житнице - Церкви Христовой. Поэтому молитву сатаны о гибели Церкви Бог превратил в очищение ее от всего чуждого. Сатана взял из Церкви то, что давно принадлежало ему.

Священномученик Киприан в пример единства Церкви ставит хитон Господа, который не был "разделен и разодран, но достался целостно одному, кому выпал по жребию *..Хитон же был не сшитый, а весь тканый сверху* (Ин. 19, 23)" (*Священномученик Киприан Карфагенский. Книга о единстве Церкви. С. 181*). Святитель под словами *тканый сверху* видит единство Церкви, происходящее с Неба от Бога Отца; посему хитон не мог быть разорван людьми и "раз навсегда удержал крепкую и неразделимую связь свою" (Там же. С. 182). Здесь священномученик Киприан утверждает, что единство и непеременимость Церкви даны Богом раз и навсегда. Это дар свыше, дар от Бога Церкви Своей.

Святой Отец говорит о раскольниках: "Не может обладать одеждою Христовою <благодатью>, кто раздирает Церковь Христову" (Там же). Далее святитель пересказывает библейское повествование о том, как по смерти Соломона было изречено пророчество о разделении царства и народа: "...пророк Ахия, встретившись на поле с Иеровоамом, разодрал одежду свою на двенадцать частей и сказал: *Возьми себе десять частей, ибо так говорит Господь Бог Израилев: вот, Я исторгаю царство из руки Соломоновой и даю тебе десять колен, а одно колено^[1] останется за ним* (3 Цар. 11, 31-32). Итак, когда двенадцать колен израильских должны были разделиться, то пророк Ахия раздирает свою одежду. Но как народ Христов разделяться не должен, то и хитон Христов... нераздельной крепостию своей связи... указывает на неразделимое согласие всех нас, которые облеклись во Христа... таинственным знамением своей одежды Господь предызобразил единство Церкви" (Там же).

Христианин не может быть раскольником, а раскольник - христианином: "Кто... столь нечестив и вероломен, кто настолько заражен страстию к раздорам, что почитает возможным или дерзает раздирать единство Божие - одежду Господню - Церковь Христову?" (Там же).

Священномученик Киприан приводит слова Господа из Евангелия от Иоанна: *И будет одно стадо и один Пастырь* (Ин. 10, 16); это единое стадо - Церковь, единый Пастырь - Христос. Земной образ Христа представляет собой епископ, который находится в неразрывном союзе с другими епископами, по подобию единства Лиц Святой Троицы. Карфагенский святитель говорит: "Кто же подумает, что в одном месте могут быть или многие пастыри, или многие стада?" (Там же). Если епископ - живой символ Христа, то лжеепископ - вор этого имени, образ демона, который пал сам и увлек за собой Ангелов с Небес. Сатана здесь, на земле, продолжает свое дело - расхищает чужие стада: если не может быть нескольких пастырей в одном стаде, то отделившихся от стада ведет за собой волк к своему логову. Ту же мысль выражает и святитель Иоанн Златоуст: "Пока ты в ограде Церкви, ты во дворе овчем; там ты безопасен, а если выйдешь из ограды, тебя похитит зверь".

Священномученик Киприан пишет, что пасхальный Агнец в Ветхом Завете прообразовывал Христа. Этот Агнец должен был съедаться одним домом, одной семьей, отдельно от посторонних - даже кости его не

разрешалось выносить вон. Священномученик Киприан говорит, что Плоть Христова - святыня Господня - не может быть вынесена из дома, а для христианина "нет другого дома, кроме единой Церкви" (Там же. С. 183). Значит, вне Церкви нет и не может быть Таинств. Имитация Таинств, совершаемая раскольниками, - это оскорбление Божества, это противоборство Духу Святому, обитающему в Церкви. Святитель Киприан приводит завет апостола Павла: *Умоляю вас... чтобы... не было между вами разделений* (1 Кор. 1, 10), <старайтесь> *сохранять единство духа в союзе мира* (Еф. 4, 3).

Он спрашивает раскольника: "А ты думаешь, что можно стоять и жить в удалении от Церкви, устроив себе другие различные жилища?" (Там же). "Стоять" - значит пребывать в истине. Человек - единственное существо на земле, которое может стоять прямо, человек положением своего тела как бы указывает на устремление духа к Небу - все остальные существа склонены и обращены к земле. "Жить" - значит находиться в благодати, дышать ею в молитве, насыщаться ею в Таинствах. Вне Церкви человек не может стоять, дух его, не имея крыльев благодати, влачится по земле. Без Церкви человек не может жить: дух, разобщенный с Богом, уже здесь, на земле, обречен на вечную смерть (по словам древних богословов, - на инобытие, на чуждое природе духа существование). Жилища, которые строит себе человек вместо Церкви, превращаются в темницы духа и преддверия ада.

Священномученик Киприан пишет, что в Церкви должны царить простосердечие и любовь, "братство должно в любви подражать голубям, а в кротости и тихости сравняться с агнцами и овцами" (Там же. С. 184). Он пишет, что в сердцах некоторых христиан - "зверство волков, бешенство псов, смертоносный яд змиев и вообще кровожадная лютость зверей" (Там же). Это - неискорененные страсти, которые губят христиан, как сребролюбие погубило Иуду, и потому "надобно радоваться, когда люди, подобные им, отделяются от Церкви, чтобы своею свирепою и ядовитою заразою не погубили голубей и овец Христовых. Не могут быть соединяемы и смешиваемы горечь со сладостью, мрак со светом... война с миром... буря с тишиною" (Там же). Гонения, ереси, расколы - это порождения демона, но сам демон, не желая того, своим злом содействует победе добра. Гонения внешние и внутренние очищают Церковь, поэтому святитель Иоанн Златоуст в толковании на Деяния святых апостолов сказал: "Самое опасное для Церкви - когда нет гонений". Но это не оправдывает гонителей, а лишь посрамляет их. Священномученик Киприан говорит, что буря ломает только слабые деревья, но не может вырвать из земли те, у которых глубокие корни и твердая почва.

Гонения, ереси и расколы очищают Церковь, как огонь - серебро. Во время испытаний и искушений обнаруживается то, что таилось в глубине человеческих сердец, - так глубокую ночь озаряет внезапная вспышка света. В испытаниях проверяется вера человека, подобно тому, как мастер проверяет крепость клинка, ударяя им о камень. После грозы воздух особенно чист.

Священномученик Киприан утверждает: "Пусть никто не думает, будто добрые могут отделиться от Церкви" (Там же). Христианин долго пребывать в расколе не может, даже если случайно попадает в раскол, как внезапно попадают в волчью яму: он будет чувствовать мертвящий, люциферианский дух раскола, от которого сердце человека сжимается как бы в предчувствии гибели, а в глубине души возникает чувство тоски - как боль от скрытой раны. Пусть христианин - по своей простоте или незнанию - не сможет ответить на доводы раскольников, похожие на сеть, которой ловят птицу, - само сердце ему подскажет, что в расколе - дух лжи. Почему добрый человек не может пребывать в расколе? Потому что истинная доброта - это победа над эгоизмом и гордыней, а раскол - поле страстей.

Священномученик Киприан приводит слова апостола Иоанна Богослова: **Они вышли от нас, но не были наши: ибо если бы они были наши, то остались бы с нами; но они вышли, и через то открылось, что не все наши** (1 Ин. 2, 19). Раскол - это испытание веры. Падение Ангелов произошло мгновенно. Ангел подобен чистому и яркому пламени, но когда это пламя гаснет, то не может уже загореться вновь. У Ангела нет той сложной двойственной природы, которую имеет человек. В нем не могут уживаться грех и благодать, добро и зло: он или целиком принадлежит добру, или так же целиком и нераздельно служит злу. Ангел может быть только светом или только тьмой. Господь говорит в Евангелии: **Я видел сатану, спавшего с неба, как молнию** (Лк. 10, 18). Святые Отцы говорят, что образ молнии указывает на прежнее сияние и красоту Люцифера, а также на быстроту его падения.

Грех раскола, как мы сказали, повторяет грех Люцифера, но искушение происходит по-другому. Человеческая душа подобна не пламени, а углям: угли могут быть покрыты золой, казаться угасшими, но от порыва ветра или струи горючего вещества вспыхнуть и загореться снова. И в то же время трудно сказать, что под пеплом: дышащие жаром угли или же только холодная зола. Апостол Иоанн Богослов отмечает, что есть невидимая граница, перейдя которую люди становятся уже неспособными к нравственному возрождению; он называет это состояние **грехом к смерти** (ср.: 1 Ин. 5, 16). В сердце, повторимся, суммируется вся человеческая жизнь. "Лик" сердца, невидимый для мира, а может быть, и для самого человека, определяет его, человека, поступки, в том числе - выбор между Церковью и расколом. Некоторым удается выйти из раскола - словно выпрыгнув из огня: с опаленной одеждой, но живыми; другие сгорают и - погибают в расколе.

Апостол Иоанн Богослов, поражая раскол, в своем послании говорит верным: **Вы имеете помазание от Святаго и знаете всё** (1 Ин. 2, 20). Помазание - благодать; благодать - в сердце - дает человеку возможность почувствовать, что в расколе присутствует **отец лжи** (Ин. 8, 44).

Так, например, если человек попадет с улицы в тесный и душный погреб, то сразу же почувствует нестерпимый смрад, тогда как тот, кто все время живет в таком погребе, перестает ощущать гниль и зловоние затхлого

воздуха. Чтобы отпасть от Церкви, человек предварительно должен потерять благодать, - формально еще находясь в Церкви.

Примечание:

[1] В греческом переводе: *два колена*. - Ред.

(Часть III)

Священномученик Киприан пишет: "...строптивый ум не имеет в себе мира, и посевающее раздор вероломство не держится единства" (Там же). Любовь и смирение ищут единства. Гордость противопоставит себя другим; гордость обособляет человека, сужает его жизнь, замыкает его в круг собственного "эго". Среди гордых - соперничество, а не единство. Если они объединяются, то лишь для борьбы с кем-либо, а затем вчерашние союзники начинают враждовать между собой.

"Строптивый ум" не имеет мира, он всегда недоволен, всегда ропщет; он высказывает чужие неправды, ищет чужих грехов и питается ими, как могильные черви - гниющим трупом. Он не благодарит Бога, так как весь мир представляется ему выставкой уродов, послушание для него смешно, смирение непонятно, поэтому он не имеет покоя и мира той земли, на которой произрастают цветы благодати. Святитель Григорий Богослов пишет, что грешник хочет, чтобы его грехи казались чем-то Божественным, а "строптивый ум" хочет, чтобы его непрерывный ропот и осуждение казались борьбой за истину.

На недоумения некоторых людей, почему Всемогущий Бог допускает ереси и расколы, карфагенский святитель отвечает: "Господь, сохраняя свободный наш произвол, допускает быть сему, чтобы, чрез искушение сердец и мыслей наших состязанием об истине, в ясном свете представилась чистая вера" (Там же).

Однако раскол не перестает быть злом, несмотря на то что последствия его могут стать полезными для Церкви. Самое большое благодеяние для человечества - Голгофская Жертва, но мы не можем хвалить и благодарить Иуду за то, что он своим предательством способствовал ей. Сребролюбивая душа и злая воля Иуды толкнули его на преступление, но Крест Господень оказался мечом, который поразил сатану.

Происшедшее печальное событие^[1] заставило нас еще глубже задуматься над тем, какое значение имеет Церковь в жизни христианина, как мы должны беречь Православие, что нужно для спасения человека. Оно побудило нас обратиться к творениям святых Отцов за ответом. Оно заставило нас более ответственно относиться к своим ошибкам, быть более осторожными в словах, которые могут кого-либо соблазнить. Оно всколыхнуло круг людей, индифферентных к религии, как бы пробудило их ото сна, напомнило "номинальным" христианам, что для спасения необходима не только внешняя принадлежность к Церкви, но и церковная жизнь.

Священномученик Киприан пишет: "Так испытываются верные и открываются вероломные; так, еще прежде Дня Судного, отлучаются души праведных от неправедных и отделяются плевелы от пшеницы! Отделяются те, кои без Божественного распоряжения самовольно принимают начальство над безрассудными скопищами, без законного посвящения поставляют себя вождями - присваивают себе имя епископа, тогда как никто не дает им епископства" (Там же. С. 184-185). Здесь святитель особенно отмечает тех, кто стал во главе раскола, кто незаконно, вопреки Божественным канонам, наперекор Церкви, присвоил себе имя епископа. Лжеепископ - это вор, переодевшийся в царя. Священномученик Киприан пишет, что такой человек сам произнес над собой суд до Страшного Суда: еще будучи живыми, вожди раскола и лжеепископы уже находятся в аду, они не только жертвы ада, они ловцы ада, которые заманивают туда других. Святитель говорит о них: "Дух Святой в псалмах называет их сидящими *на седалищах губителей* (ср.: Пс. 1, 1; церковнославянский перевод), язвою и заразою для веры, людьми, обольщающими посредством змеиных уст, искусными в извращении истины, пагубным языком, изрыгающим смертоносный яд, людьми, которых *слово... как рак, распространяется* (ср.: 2 Тим. 2, 17) и беседа вливает смертную заразу в сердце каждого" (Там же. С. 185).

В Евангелии описываются случаи беснования, когда несчастные люди против своей воли изрыгали хулу на святыни, вернее, демон насильственно говорил через уста бесноватых (см.: Мк. 5, 2-15). А в расколах - самый худший вид беснования, когда человек добровольно становится единым духом с диаволом и отдает свое сердце и уста темному духу. По мысли святителя Феофана Затворника, демоны, собираясь в аду, устраивают собрания, на которых обсуждают, какими способами губить человеческие души; они составляют планы, они сговариваются, как обольщать свои жертвы, - так и раскольники совещаются о том, как бороться с Церковью, как оторвать детей от матери, духовно родившей их. Это *седалище губителей* в аду и на земле. Псалмопевец называет блаженным того, кто не участвует в этих делах тьмы, далеко обходит раскольничьи дома, как топкие болота (см.: Пс. 1, 1; 118, 1).

"Язва" - это незаживающая, гниющая рана, "зараза" - быстро распространяющаяся болезнь, "змеиные уста" - это скрытая опасность: змея прячется в траве, в расселинах между камнями, в расколе грех прячется под видом благочестия; змея вливает яд в кровь при укусе, а раскольники отравляют саму душу; раскольники являются "искусными в извращении истины" - как им не быть искусными, когда их отец, диавол, соблазнил праотцев не прямой ложью, а извращением истины. Если ложь - отсутствие истины, антипод истины, то полуправда - попытка заставить саму истину служить лжи (некоторые из философов полушутя говорили, что "диавол - магистр диалектики, но профан логики"). Их, раскольников, слова *распространяются, как рак*, - как раковые клетки-метастазы, щупальцами спрута охватывающие человеческое тело, высасывают жизненные соки из организма и превращают внутренние органы в куски гниющего мяса, так и

слова вождей раскола, принятые с доверием или симпатией, прививаются к душе человека, подтачивают и разрушают его веру; и эта болезнь почти неизлечима. "Беседа вливает смертную заразу в сердце" - вот и святой апостол Павел говорит: ***Еретика, после первого и второго вразумления, отворачайся*** (Тит. 3, 10). В Священном Писании и у апостольских мужей понятие "ересь" включало в себя и понятие раскола. В буквальном значении ересь - это вера в свое мнение, отличное от мнения Церкви, поэтому священномученик Киприан, говоря о грехе раскола, употребляет цитаты из Священного Писания о грехе ереси.

Он сравнивает лжеепископов и вождей раскола с лжепророками Ветхого Завета, которые были колдунами и чародеями. Они обольщали народ ложными пророчествами, выдавая себя за пророков Божиих, и вели самыми нечистыми средствами борьбу против истинных пророков, которые возвещали царям и народам слова Божии. О лжепророках Ветхого Завета сказал Господь: ***Меня, источник воды живой, оставили, и высекли себе водоемы разбитые, которые не могут держать воды*** (Иер. 2, 13). Эти слова священномученик Киприан относит также к раскольникам новозаветных времен. ***Водоемы разбитые*** - это образ отсутствия или потери благодати.

Раскольники ссылаются на слова Господа: ***Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них*** (Мф. 18, 20). Но как могут собраться во имя Господа те, кто собирается на борьбу с Церковью Христовой? Как Христос может быть среди раскольников, когда Он в Церкви Своей как в Царствии Своем? В шайке разбойников тоже может быть послушание своему вождю, тоже может быть мир и согласие - когда разбойники собираются напасть на свою жертву; но ведь это согласие не во имя Христа, а во имя совершения преступления!

Священномученик Киприан пишет: "Приступающего же к жертвоприношению с враждою на кого-либо Он <Господь> не допускает к алтарю, но повелевает прежде примириться с братом и тогда уже, возвратившись с миром, принести дар Богу (см.: Мф. 5, 23-24)" (Там же. С. 187-188). Бог не принял жертву Каина, потому что тот допустил в сердце своем вражду и зависть к Авелю и поэтому приносил жертву с нечистым сердцем: не мог иметь мира с Богом тот, кто не имел мира с братом (см.: Быт. 4, 3-7). Святитель Киприан спрашивает: "Какой же мир обещают себе враги братьев? Какие жертвы думают приносить завистники священников? Неужели, собираясь, они думают, что и Христос находится с ними, когда они собираются вне Церкви Христовой?" (Там же. С. 188).

Двенадцать апостолов находились вместе со Христом на Тайной вечере, в одном доме, за одной трапезой; этот дом, где произошло великое Таинство Евхаристии, знаменует собой единство Церкви. Из двенадцати апостолов один покинул братство, разрушив единство. Если бы он остался на Тайной вечере со Христом и апостолами до конца, то не совершил бы своего страшного деяния, тем не менее он разлучился от единства и поэтому погиб. Апостолы, оставшись со Христом, пребывают с Ним вовеки в Царстве света.

А Иуда, тот, кто мог вместе с ними наследовать Небо, оставшись один, дотянулся только до ветки дерева, на которой завязал петлю. Дерево не вынесло прикосновения предателя и сбросило с себя мертвое тело на землю: веревка оборвалась, как бы не выдержав тяжести греха, совершенного Иудой; и даже земля, из которой созданы тела потомков Адама, не приняла трупа: чрево Иуды распалось - тот, кто потерял в себе образ Божий, лежал как сгусток гноя и праха, потеряв человеческий облик, - одна только преисподняя приняла его.

Святитель Иоанн Златоуст пишет, что "врата ада", которые борются против Церкви, - это грехи, ведущие души людей в ад. Грехи отречения от Христа и отступничества от Церкви влекут за собой одинаковое следствие: умерщвление духа, потерю благодати и отлучение от Бога.

В расколе духовность подменена душевностью, в нем может быть много горячности и страстности, но нет того мира, о котором сказал Господь: *Мир Мой даю вам* (Ин. 14, 27), - мира как ничем не нарушаемого состояния сердца, состояния, которое не колеблется внешними переменами, не зависит от конкретной ситуации, которое глубже, чем неустойчивые чувства человека, - мира как общения души с благодатью, когда ум человека становится чистым и ясным, а воля твердой, как утес, который не могут сдвинуть с места волны, обрушивающиеся на него со всех сторон. Мир Божий - это снятие всех внутренних противоречий, терзающих и обессиливающих душу, и благодать Духа Святого, Который открывает новую, неведомую жизнь, а перед ней жизнь земная кажется сновидением. В расколе нет ни того, ни другого, в нем все туже стягиваются узлы противоречий, в нем вместо благодати - разгоряченность собственной мечтательностью: гордое сердце живет в мире грез о своем величии.

Первым раскольником на Небе был сатана, а на земле - Каин. Причиной раскола на Небе была гордость, на земле - зависть, которая и привела старшего сына Адама к братоубийству (см.: Быт. 4, 8). Во всяком расколе присутствует дух братоубийства, ибо раскол - это убийство любви и разрушение единства. Раскольник не может любить тех, кто находится в Церкви, потому что они - живое обличение его отступничества. Раскол - это убийство душ, убийство тех, кого заманили в раскол. Некоторые экзегеты считают, что Каин совершил ритуальное убийство: первым на земле принес жертву сатане и этим разделил допотопную Церковь, которую представляла семья Адама. Бог отверг жертву Каина из-за нечистоты его сердечных помышлений, и тот принес жертву демону, который уже давно обитал в Каиновом сердце. Авель был прообразом Христа, а Каин - демона. Кровь Авеля вопияла к Небесам, Кровь Христа соединила Небо с землей.

От Каина перешло к его потомкам, распространилось и укрепилось, как бы глубоко пустив корни в землю, демонопоклонство и волхвование. Уже при рождении младенца Каинова племени его посвящали сатане и вручали демону как "ангелу-хранителю". В роду Каина не было ни одного праведника. В допотопное время существовали на земле две Церкви: Церковь Божия из потомков Сифа и церковь сатаны из потомков Каина. Племя Каина

- образ раскола, в котором не может быть святых, потому что в нем нет Духа Святаго.

Священномученик Киприан обличает раскольников с такой же силой, с какой библейские пророки - тех, кто оставил Иегову и впал в идолопоклонство.

Некоторые места его книги своей вдохновенной силой, неповторимостью образов и яркостью антитез напоминают язык пророка Исаии. Святитель пишет: "...хотя бы таковые <раскольники> претерпели и смерть за исповедание имени <Христа>, пятно их не омоется и самую кровию. Неизгладимая и тяжкая вина раздора не очищается даже страданием. Не может быть мучеником <тот>, кто не находится в Церкви; не может достигнуть Царства <тот>, кто оставляет Церковь" (Там же), - Церковь, которой обещано это Царство. "Не могут пребывать с Богом не восхотевшие быть единомышленными в Церкви Божией: хотя бы они, быв преданы <мукам>, сгорели в пламени... или испустили дух свой, будучи брошены на снесь зверям, однако и это не будет для них венцом веры, но будет наказанием за вероломство, - не будет славным окончанием благочестивого подвига, но исходом отчаяния" (Там же. С. 189).

Мученичество - это исповедание веры, написанное кровью мученика и удостоверенное, как печатью, его смертью. Это всецелое посвящение себя Богу, когда истина становится дороже самой жизни. Христианство требует от человека постоянной жертвенности, а в мученичестве человек самого себя приносит в жертву - это высший вид богообщения. Мученик отдает временную жизнь и обретает Вечную; проливая кровь, получает Дух; умирая, рождается; отдавая все, что имеет, получает взамен все, что имеет Бог, в той мере, в которой он может это воспринять и вместить. Святые Отцы называли мученичество вторым Крещением, в котором, как в Таинстве, прощаются все грехи. Но ведь были мученики у язычников и еретиков - так, например, гностики-валентиниане сами искали смерти. А сколько людей за ложные идеи, за пустые утопии проливали кровь - свою и чужую! Неужели такая смерть стала для них вечным спасением? Тогда язычники, умерщвляемые за веру в идолов, стали бы сынами Божиими, а жрецы Ваала, закланные пророком Илией, прославились бы как святые.

Нам могут сказать, что язычники умерли за имя демона, а раскольники - за имя Христа; но ведь имя Христа - это сочетание букв. Христос может быть действительно познан только в Церкви - Духом Святым. Еретик Несторий извратил церковное учение о Сыне Божием; он умер в ссылке от тяжелой, мучительной болезни. Что же он наследовал: Вечную Жизнь или вечную смерть? Еретик Ориген окончил жизнь в темнице во время гонений, но его мужественная и мученическая смерть не стала для него очищением и спасением. Он как отщепенец от Церкви уже после смерти был предан анафеме. Христос познается и мистически вселяется в человека только Духом Святым. Многие, сопровождавшие Христа, видевшие Его плотскими глазами, слышавшие Его проповеди, не познали Спасителя, Его истинный

лик остался невидим для них. Взамен они создали ложный образ Христа в своем сознании и сердце.

Кто борется с Церковью, борется с Духом Святым. Богоборец - еретик и раскольник - именем Христа призывает другого духа, в образе Христа видит другой лик. Если даже богоборец и станет мучеником, то за кого прольется его кровь? За темного антипода Христа, пребывающего в расколе. За антихриста. Иногда, кстати, демон являлся в виде Христа подвижникам, и те, которые в неведении поклонялись духу ада, отдавали себя под его власть - это кончалось одержимостью, тяжелыми болезнями и даже смертью. Нас могут спросить: чем же виноваты эти люди, ведь они хотели видеть Христа и поклонялись Ему, а припали к ногам демона по незнанию, случайно, не желая того? Да, эти люди виновны в своем искушении и, может быть, гибели, потому что вопреки заветам и преданию Церкви приняли видение самовольно, считая себя достойными явления Божества. Они должны были бы ответить видению: "Я сначала спрошу своих духовных отцов, кто ты" - ибо Церковь учит идти путем смирения и сознания своего недостойнства.

Раскол, как и прелесть, основан на гордыне; в нем свой "христос" - ангел тьмы, притворяющийся Христом, в нем свой дух - не Дух Святой, Дух мира, любви, чистоты и мудрости, а дух самомнения, превозношения, хулы, противоборства и разделения. Сомнения раскольников в истинности своей веры - это еще мерцающий для них луч надежды на спасение, а уверенность в своей лжи, дошедшая до готовности претерпеть за нее мучения, - это уже крайняя степень обреченности - состояние, при котором уже нет возрождения и возврата в Церковь.

Мученичество - это жертвенный отказ от себя ради Бога. Лжемученичество - это отказ от себя ради торжества лжи; оно делает лжемученика единым - духом - с демоном. Апостол Павел пишет: *...не увенчивается, если незаконно будет подвизаться* (2 Тим. 2, 5). "Нейтрального" в духовном мире не существует: кто подвизается незаконно, тем более против самого закона, того венчает сам сатана клеймом Каина. Раскольники думают, что они подвизаются за Христа, но если Христос в них, у них и с ними, то это "Христос", борющийся с Церковью, "Христос", борющийся с Истинным Христом. Разве изменник, перебежавший в стан врага и затем убитый в бою против своих, получит по смерти награду? Что сделают с ним - похоронят с почестями или выбросят вон, как дохлого пса, чтобы не осквернял общей могилы и не лежал вместе с теми, кто остался верен своей присяге?

Мученик за Христа на греческом и на некоторых других языках именуется "свидетелем". О чем может свидетельствовать мученик-раскольник? О том, что его борьба с Церковью продолжалась до самой смерти? О своей гордыне, упорной и твердой, как камень? О конечном отпадении от Церкви, ставшем необратимым и непреодолимым, как бездна? Смерть лжемучеников - это исчезновение всякой надежды, это крик безысходного отчаяния.

Священномученик Киприан считает, что если самая большая заповедь - это любовь к Богу и людям, то самый большой грех - это разделение, ибо оно уничтожает любовь. Духовная любовь осуществляется только в Церкви, которая есть образ Небесного Царства и путь к нему. В миру существует любовь, но не духовная, а страстная и эмоциональная. Такая любовь, имеющая основой не благодать, а мятущуюся человеческую душу, непрочна и непредсказуема. Какой бы сильной и интенсивной она ни была, никто не может ручаться, что такая любовь, просверкав на небосклоне подобно падающей звезде, не угаснет бесследно. Как часто плотская и душевная любовь неожиданно для самого человека сменяется безразличием, равнодушием или ненавистью! Поэтому Псалмопевец сказал: **Всякий человек ложь** (Пс. 115, 2) - каждый человек непостоянен; даже достойные люди, являющиеся примером для многих, подвержены колебаниям и изменениям.

Христианская любовь - это духовная любовь, которая, по словам преподобного аввы Дорофея, "видит в каждом человеке образ Христа"; такая любовь возможна только при содействии благодати. Раскол - это грех против духовной любви. У раскольников могут существовать обломки любви - на душевном уровне, - как руины разбитого здания. Подобной душевной любовью, которой не чуждо милосердие и сострадание, обладают многие мирские люди, даже далекие от Бога; проявление ее мы можем видеть во всех религиях мира, но такая любовь уживается с грехом и страстями. Христос принес на землю огонь другой любви, без которой, по мнению блаженного Августина, "мирские добродетели - это блестящие пороки". Чтобы уяснить, что такое христианская любовь, святитель Киприан обращается к тому месту Первого послания к коринфянам святого апостола Павла, которое богословы называют "гимном любви": **Если имею.....веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, - то я ничто. И если я раздам все имущество мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы** (1 Кор. 13, 2-3).

Добродетели без любви похожи на мертвый свет луны, который не несет с собой тепла и жизни; они не исходят от сердца, поэтому не трогают сердце другого. Человека, совершающего героический поступок, но не имеющего любви, человека как бы с ампутированным сердцем можно уважать, но ответно любить нельзя. Духовная любовь - это единственный язык, который слышен на Небесах.

Апостол Павел перечисляет главные свойства и признаки духовной любви. Первое из них - долготерпение. Духовная любовь обрекает себя на крест, поэтому она и не ждет ничего, кроме креста. В этом источник ее сил, в этом ее высшая радость - недаром святитель Иоанн Златоуст говорил: "Со Христом даже в аду хорошо". Душевная любовь боится страданий, поэтому она всегда в волнении и смятении. Духовная любовь видит внутренний смысл страданий - как огня, который выжигает из души ввевшийся в нее, словно ржавчина, грех; и чашу страданий принимает как из руки Господа.

Порывы ветра тушат малый огонек свечи и раздувают пламя костра. Духовная любовь не уменьшается, а углубляется в испытаниях.

"До каких пор нам терпеть?" - спросил ученик своего авву, пустычника и аскета. Тот удивленно посмотрел на него и ответил: "Разве для терпения есть срок? Мы должны терпеть все до самой смерти". Если беспристрастно посмотреть, как начинается раскол, то можно увидеть, что среди основных причин - оскудение и потеря терпения, уязвленное самолюбие, жалобы на несправедливость, нежелание нести свой крест. Здесь страдания, которые неизбежно испытывает каждый человек, приписываются только злой воле окружающих людей. Первые трещины, из которых образуется пропасть раскола, - это ропот, переходящий в злословие и ненависть к послушанию. **Любовь... милосердствует** (1 Кор. 13, 4), она жалеет все создания Божии, всех как бы заключает в свое сердце, она видит мир в его глубоком падении и поэтому безмолвно плачет о всем творении, как о дивном храме, который лежит в развалинах. Сердце такого, милосердствующего, человека похоже на расплавленный воск, милосердствующий не отделяет себя от других, чужое страдание переживает как свое. Вот и святитель Иоанн Златоуст считает, что "широка заповедь о милосердии" - она не только дает возможность служить людям, в каком бы положении ни находился сам милосердствующий, но она и расширяет сердце человека, и делает более глубокой его жизнь. У того, кто не имеет милосердия, жизнь становится тусклой и холодной, - ограждая себя от чужого страдания, такой человек ограждает себя от Бога.

Раскол - это бунт, а бунт по природе своей жесток. Там, где бунт, не милосердствуют, там ломают и уничтожают. Милосердный любит даже своих врагов и хочет их спасения - раскольники считают врагами всех, кто не вместе с ними. Свой протест, основанный на соперничестве, они называют правдой, но правды без любви не бывает: протест раскольников - маска правды, скрывающая ложь. Раскольники готовы весь мир (кроме себя) предать анафеме.

Любовь не превозносится (1 Кор. 13, 4) - только при оскудении любви мы можем считать себя лучше других. Святитель Григорий Нисский писал, что мы и наши близкие - это две картины; когда нам нравится одна картина, то мы не видим красоты другой: если мы нравимся самим себе, то перестаем видеть достоинства других, а если видим себя в ранах и грязи греха, то нам открываются добродетели других - как красота второй картины. Кто превозносится, кто ставит себя выше остальных, тот смотрит на людей словно с возвышения, и люди кажутся ему маленькими, как бы карликами по сравнению с ним.

Раскольники в своих мечтаниях превозносятся над Церковью, она кажется им муравейником, в котором им нельзя уместиться, и они хотят построить величественный храм на фундаменте своей "мудрости" и своих "добродетелей". Зависть рождает соперничество, а соперничество - борьбу. И остается одна цель - доказать свое (мнимое) превосходство над другими. Всякий раскол - это притязания на духовный элитаризм, это вера в свои исключительные способности и в свое собственное избранничество.

Любовь... не гордится (1 Кор. 13, 4). Если превозношение основано на соперничестве и требует постоянного "выигрышного" сравнения себя с другими, то сатанинская гордость не допускает даже и существования достойного соперника. Это, скорее, чувство своей несравнимости ни с кем. Гордость - самообожествление, в котором человек становится одновременно идолом и жрецом своего раздутого до необъятных размеров "эго" - всеядного себялюбия. Если у любви имеется антипод, то это гордость. Двух богов не может существовать, поэтому гордый или отрицает, или ненавидит Бога. Гордому, как и сатане, кажется, что он по природе божество, или же, как и Адаму, кажется, что Бог отнял у него его права (дал во владение Эдем, а затем отнял все лучшее, что есть в Эдеме, будь то вещественный предмет или способ к быстрому духовному росту и могуществу - все равно).

Гордое сердце не может принять благодати. Гордый ум считает, что он не нуждается в помощи Божией. Гордая душа не способна любить своего Создателя. Гордый ненавидит своего благодетеля и оплачивает злом за добро именно потому, что не хочет быть благодарным никому. Помощь других он воспринимает как свидетельство своей слабости, поэтому не прощает добра, когда-либо сделанного ему.

Раскол - порождение гордыни, поэтому гордый чувствует в расколе родной ему дух. Под видом борьбы за правду он мстит своей матери - Церкви - за те благодеяния, которые получил от нее. Сатана ненавидит человеческую душу, потому что Господь любит ее как Свой образ и подобие. Сатана борется с Богом в человеческом сердце, он мстит Богу за свое поражение тем, что уловляет в свое темное царство души людей, созданных для Неба. Раскол - это скрытая месть Богу через борьбу с Церковью, Невестой и Любовью Бога. Если семь главных страстей происходят от слабости человеческой воли, то восьмая по счету и первая по значимости - гордость - это начало грехов и любовь ко греху. Все грехи дают место в сердце человека демону, но грех гордости саму душу делает демоноподобной.

Любовь... не бесчинствует (1 Кор. 13, 4-5). Чин - это порядок и место. Человек является личностью с нравственно-духовной автономией и возможностью внутреннего свободного выбора и в то же время членом Церкви. В этом живом духовном организме каждый христианин занимает свое место, каждый выполняет свои обязанности и несет свою ответственность. Чин - это закон и структура, если угодно, система, вне которой невозможно существование ни одного организованного сообщества: ни Церкви, ни государства, ни армии, ни семьи.

В псалме Давида написано: ***Предста Царица одесную Тебе, в ризах позлащенных одеяна преиспецирена*** (Пс. 44, 10; церковнославянский перевод). ***Одесную Тебе*** (с правой стороны Небесного Отца) - означает Божественное достоинство Церкви. По словам святителя Василия Великого, разноцветные одеяния означают многообразные служения в Церкви, которые дополняют друг друга: так музыкальные аккорды соединяются в одну симфонию, а фальшивая нота производит диссонанс. Свойство и признак живого организма - это единство. Сверкающие золотом ризы означают

благодать Духа Святого, пребывающего в Церкви, - посредством благодати человеческая душа становится подобием Церкви и нерукотворным храмом. Благодать сообщается всем членам Церкви - так одной кровью питаются все ткани тела. Риза Царицы переливается, *преиспещрена* цветами, - каждый человек на своем месте может достигнуть цели христианской жизни - спасения, перед каждым одинаково открыт путь к совершенству.

Структурный принцип Небесной и земной Церкви - это иерархия, и поэтому благочестие прежде всего проявляется в отношении к иерархии, которая должна оставаться незыблемой и неповрежденной, чтобы Церковь была живой. Иерархию можно сравнить с нервной системой, через которую осуществляется единство человеческого организма, контролируется деятельность каждой клетки и координируются физиологические процессы: кости и ткани, вырванные из тела, обречены на гниение, они превращаются в тлен и смрад. В окружающей нас природе мы видим не хаос, а порядок - физические и энергетические структуры, подчиненные точным законам.

Если бы лишь одна звезда (или планета) изменила свой путь, то это повлекло бы за собой цепь катастроф космического масштаба. Ядерный взрыв с его разрушающей силой и выбросом радиации - это следствие искусственного разрушения внутриатомной структуры. Макро- и микромиры с инженерно-математической точки зрения представляют собой единый, совершенный механизм. Неодушевленная материя подчинена законам, данным ей Творцом. А разумное создание - человек, предназначенный для вечности, восстает против духовных законов, ломает структуру Церкви, ради которой создан мир.

Злая воля превращает разум в оружие, которым человек поражает самого себя. Обратимся опять к примеру человеческого организма: раковая опухоль - это клетки, неспособные воспринимать импульсы нервной системы, вышедшие из-под ее управления и контроля и ставшие агрессивными по отношению к соседней здоровой ткани. Эти больные клетки, отторгнувшись от жизненного единства, стали захватчиками и убийцами организма, который произвел их.

Раскольники, принявшие духовную жизнь в Церкви и от Церкви, восстали против нее и, будучи сами обречены на духовную гибель, стараются поразить своей ложью, точно метастазами рака, и другие души.

Любовь... не раздражается (1 Кор. 13, 4-5). Апостол Павел не написал: "Не гневается", так как есть святой гнев, который обращен против демона и греха, гнев как страж души. Но это не аффективное чувство, помрачающее сознание, не страсть, которая опьяняет человека, не наслаждение воображаемым убийством и картинами мести. Святой гнев не нарушает духовного мира человека, а оберегает его от разрушительного действия греха. Душевный гнев происходит оттого, что человек не находит возможности осуществить свои желания. Святой гнев видит своего врага в грехе - как нарушении воли Божией человеком, а в демоне - как воплощении греха. А душевный гнев обращен против людей: свойство душевного гнева - хроническое раздражение, переходящее временами в ярость. Душа такого

человека похожа на воспаленную рану, прикосновение к которой вызывает болезненные судороги.

Раскол борется не с метафизическим миром зла, - он как будто забывает о нем, - а с людьми, приписывая им все неурядицы и несчастья. Для раскольников характерна одна черта: они не могут спокойно разбирать проблему и выслушивать противоположные их мнению утверждения, они постоянно срываются на брань, осуждение или насмешки, как будто хотят выплеснуть на собеседника накопившееся в их душах, точно желчь, раздражение.

Любы николиже отпадает (1 Кор. 13, 8; церковнославянский перевод). По словам святителя Киприана, "она навсегда останется в Царстве (Небесном), вечно будет там продолжаться в единстве братского союза. Раздор не может удостоиться Царства Небесного... Не будет принадлежать Христу, кто вероломным несогласием нарушил любовь Христову: не имеющий любви и - Бога не имеет" (Там же. С. 188-189).

Священномученик Киприан указывает на одну из главных причин раскола - оскудение любви. Это мертвенность сердца, которая породила фарисейство с его формализмом и двуличием. Это подделка под святость и внутренняя отчужденность от Бога, это маска благочестия. Один из богословов сказал, что демон - падший ум; у демона нет ни души, ни сердца, вместо души у него - черное пламя ада, вместо сердца - пустота, холодная как лед.

Раскол - это паралич сердца, законченная гордыня, отчаяние восставшего денницы. Если древние фарисеи считали себя оскверненными одним прикосновением не принадлежавшего к их секте человека, то раскольники - новозаветные фарисеи - считают себя оскверненными уже самой Церковью Христовой, которая освящает мир.

Святой Киприан произносит слова, звучащие подобно обличительному гласу пророка Илии: "<Раскольник> христианином называет себя так же ложно, как и диавол часто называет себя ложно Христом" (Там же. С. 189). Значит, раскольник хуже язычника и неверующего: те родились нищими, а этот имел Царство и потерял его, имел священство и предал его. Преподобный Макарий слышал от Ангела, что самые страшные муки в аду приготовлены священникам блудливым и монахам лицемерным, а блуд и отпадение от истины у пророков были синонимами. Монах, поправший свои обеты, это прежде всего монах, отвергший церковную власть (обет послушания); крайней степенью этого греха является восстание против епископа. Раскольник ложно носит имя христианина; значит, каждый раз, когда раскольник называет себя этим именем, он лжет, а когда называет себя рабом Божиим, то лицемерит - и молитва раскольника, становится ему, по слову Псалмопевца, *в грех* (Пс. 108, 7). Раскольника нельзя назвать христианином, как труп нельзя назвать человеком.

Посылая апостолов на проповедь, Господь даровал им чудодейственную силу исцелять болезни, воскрешать мертвых и изгонять демонов. Вернувшись, ученики с радостью говорили Христу о явлении Божественной

силы и о чудесах, сотворенных ими. *Господи! и бесы повинуются нам* (Лк. 10, 17), - в изумлении восклицали они. Христос же отвечал: *Тому не радуйтесь.....но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах* (Лк. 10, 20). Рядом с каждым именем, написанным на Небесах, должно стоять другое имя - христианин. По словам священномученика Киприана, для раскольников имя "христианин" потеряно, значит, имена их вычеркнуты из Книги Жизни. Потерять имя - значит потерять свое достоинство, свое лицо.

Напомним: в Апокалипсисе сказано, что *дракон сорвал своим хвостом треть звезд* (ср.: Откр. 12, 4). (Дракон - сатана, голова его - гордыня, змеиный хвост дракона - ложь, звезды, низвергнутые с небес, - Ангелы, последовавшие за сатаной). Теперь этот "древний дракон" лишил следовавших за ним раскольников имени христиан. Он похитил имя "священник", имя "монах", имя "христианин", вместо этого в книге смерти, которая хранится в подземелье ада, написал рядом с их именами иное имя - "отступник". Сколько раз раскольники читают "Верую" - столько раз они лгут, сколько раз называют себя в молитве "раб Божий" - столько раз напоминают Небу о своем вероломстве, сколько раз называют себя христианами - столько раз совершают клятвопреступление. Святой Киприан пишет, что хоть сатана и называет себя Христом, но это ложь и обольщение, о котором сказал Господь: *Многие придут под именем Моим...* <многие скажут>: *вот, здесь Христос...* <но> *не верьте* <им> (ср.: Мк. 13, 6, 21). (Вот и раскольники называют себя христианами, но, отступив от Церкви, они отступили от Христа и поэтому стали похитителями чужого имени).

Многие мученики на требование языческого судьи назвать их имена отвечали только: "Мы - христиане". Перед именем христианина (как ученика Христа и причастника Духа Святаго) меркнут все человеческие имена, как звезды - перед светом солнца. Господь сказал: *Радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах*, а святитель Киприан открыл нам, что раскольник потерял имя христианина: "Как диавол не есть Христос, хотя и обманывает Его именем, так и христианином не может почитаться тот, кто не пребывает в истине Его Евангелия и веры" (Там же).

Чтобы психологически раздавить узника концлагеря, его лишали человеческого имени и называли по номеру, который был пришит на его спине. А раскольник сам лишает себя высшего из всех имен на земле - имени христианина. Номер на спине узника означает, что для заключенного закрыты ворота в мир, что он лишен свободы и стал человеком-вещью. Для раскольника потеря имени христианина означает, что для него закрыты ворота в Царство Небесное, а если он называет себя христианином, то лжет и воруется это имя, на самом деле раскольник - люциферианин, так как повторил отступничество Люцифера.

Вместе с именем христианина раскольник теряет все, что получил в Церкви, и выходит из нее голый, как бес. Сатана, как известно, увлек в раскол треть Ангелов. Имена раскольников, последовавших за сатаной, к какому бы времени они ни относились, исчезают и гаснут, как падающие звезды. Правосудием Божиим они навсегда вычеркнуты из вечности.

Святитель Киприан говорит о том, что раскольники потеряли самое главное - любовь, то, что является сердцем Евангелия. Все Священное Писание вмещается в двух заповедях - любви к Богу и людям. Раскольники не могут исполнить первой из них, так как Бога можно любить только Духом Святым. Душевная, разгоряченная, неочищенная от *крови и плоти* (ср.: 1 Кор. 15, 50) любовь, наполняющая ум мечтаниями, а сердце - темным наслаждением, недостойна Бога. Невозможно, отрицая Духа Святого через отрицание Церкви, в то же время любить Духом Святым Бога - это самообман. И так же невозможно, отвергая Церковь, духовно любить человека. Церковь и душа человека являются подобием Святой Троицы, только Церковь - идеальное подобие, а душа - подобие как возможность. Воцерковление человека - это приближение его души к идеалу, это отражение Церкви в его душе.

Нам могут возразить, что и у раскольников существуют такие добродетели, как милостыня, помощь бедным, забота о больных. Однако милосердие раскольников почти всегда ограничивается их общиной и тем кругом людей, который они хотят привлечь к себе. Добро раскольников имеет или рассудочно-расчетливый, или эмоционально-душевный характер. Когда раскольники убеждаются в том, что человек не поддается на уговоры, то их "добро" переходит или в хроническую неприязнь, или в равнодушие. Сочувствие к несчастным быстро испаряется. "Не хотели быть вместе с нами - пусть помогает вам ваша Церковь", - как бы с затаенным злорадством говорят они. Духовная любовь, которая объемлет всех, которая не зависит от национальных, конфессиональных и других различий, раскольникам недоступна. Потеряв Церковь, они потеряли способность к христианской любви: она стала для них внутренне чуждой и непонятной; поэтому священномученик Киприан и говорит, что в расколе даже не помышляют о любви.

Он пишет: "...не могут пребывать с Богом не восхотевшие быть единокорными в Церкви Божией" (Там же).

"Пребывать с Богом" - это значит быть в благодати Божией. Здесь, на земле, душа соединена с благодатью - даже у святых - временно, так, как, например, соединена теплота с нагретым в огне железом, - поэтому благодать можно и потерять. В Будущей Жизни благодать будет соединена со спасенными навечно и субстанциально (существенно): неслитно с их природой, но неотделимо от нее. В Будущей Жизни уже не может быть потери благодати, напротив, только постоянное приобретение и возрастание в ней - это вечное приближение образа к своему Первообразу, подобия - к своему бесконечному Идеалу, это вечное поступательное движение к Богу, которое не имеет конца, так как Божество абсолютно и неисчерпаемо.

Человек становится нерукотворным храмом Бога, но для этого он должен подчинить свой ум учению Церкви, которая имеет ум Христов, покорить сердце свое благодати, пребывающей в Церкви, названной в Священном Писании "Невестой Христовой" (вечной Любовью Христа). Церковь имеет Дух Христа, обитающий в ней как в Его мистическом Теле,

поэтому отвергающий Церковь отвергает Христа. Вне Живого Христа невозможно спастись одной личной аскезой и исполнением заповедей, да и заповеди вне Церкви исполнить невозможно: они перестают быть фактором внутренней жизни человека и становятся внешним формальным предписанием.

Примечание:

1) Здесь речь идет о современном расколе в Грузинской Православной Церкви, к которой принадлежит автор. - *Ред.*

(Часть IV)

Святитель Киприан пишет, что раскольники "хотя бы они, быв преданы, сгорели в пламени и огне или испустили дух свой, будучи брошены на снесь зверям, однако и это не будет для них венцом веры, но будет наказанием за вероломство, не будет славным окончанием благочестивого подвига, но исходом отчаяния" (Там же). Хотя бы раскольники испытали те же страдания, что и христианские мученики во время гонений языческих царей, хотя бы их сжигали на медленном огне или бросали на растерзание диким зверям, однако их кровь не станет для них царственной мантией победителей; огонь, сжигающий их тела, не сможет очистить их сердца от греха духовной гордыни; зубы зверей не явятся для них знаменем спасенных, перед которыми Херувим, стерегущий врата Эдема, опустит свой меч.

Мученичество - это непоколебимая печать верности. А раскольники оказываются верными до крови и смерти греху отступничества, значит, - верными сатане. Демон - самоубийца, его бытие - это вечно продолжающаяся смерть. Раскольник, если он не покается, тот же самоубийца, потому что он повторил грех демона - отпадение от Церкви. Мучение для раскольника является не вторым Крещением, а агонией смерти и началом вечных мук. Для него было бы меньшим злом во время гонений отречься от своей веры - от ложного образа Христа (а на самом деле - антихриста, который, борясь с Церковью, присвоил себе имя Христа). Может быть, в оставшееся время жизни отступник от Церкви принес бы покаяние в грехе раскола, а затем - идолопоклонства и, смилив свой дух, примирился с духовной матерью - Церковью, которую он раньше оскорблял, как блудницу, и в лицо которой плевал словами клеветы. Однако, приняв смерть за свое ложное исповедание, раскольник с гордо поднятой головой направится в преисподнюю на пир демонов. Ангелы радуются о смерти мучеников и возносят души их в обители рая, но отвращаются от мучительной смерти раскольника, как от веревки, на которой повесился Иуда.

Может ли угодить Богу тот, кто, прославляя устами Христа, одновременно вонзает клинок раскола в Его Тело - Церковь? Разве может угодить царю тот, кто поклоняется властелину и в то же время бесстыдно

разрывает одежду его невесты, разве награждается воин, который обратил оружие против своих же собратьев?

Священномученик Киприан пишет: "Подобный им может быть умерщвлен, но увенчаться он не может" (Там же). Многие идут на смерть за ложные идеи, а еще больше тех, кто гибнет ради своих страстей. У раскольников соединены эти два греха: они отдают жизнь за свой ложный алтарь ложному богу, воздвигнутый за пределами царства Церкви, но раскол дает им возможность осуществить и самую губительную страсть - духовную гордость. Раскольник умирает без любви к Богу, без любви, этого дивного цветка, растущего на корне смирения; раскольник умирает гордясь собой. Венец мучеников - это благодать Божия. Благодать и вероломство не могут соединиться друг с другом.

Купол христианского храма символизирует духовное Небо, поэтому внутри он нередко расписан изображениями звезд различной величины. Душа того, кто презрел Церковь и покинул ее кров, навеки лишилась надежды быть среди этих звезд на духовном Небе. Как невозможно спастись без Христа, так невозможно спастись без Церкви. Кто думает своим подвигом или рвением заменить благодать ее, тот подобен человеку, который думает, что, размахивая руками, он может подняться к небу.

Святитель Киприан, указывая на слова Спасителя о том, что в любви к Богу и людям заключается, как бы сокращенно, все Священное Писание, открывает нам нравственную бездну раскола. Он категорически утверждает, что в расколе нет и не может быть любви, ибо подлинная любовь стремится к единству: "Какое же соблюдает единство, какую любовь хранит или о какой любви помышляет тот, кто, предавшись порывам раздора, рассекает Церковь, разрушает веру, возмущает мир, искореняет любовь, оскверняет Таинство?" (Там же. С. 190).

Гордость иссушает любовь. Раскольник поставил себя судьей над Церковью и вынес ей жестокий приговор. Недавние братья по вере стали вдруг для него "невеждами и заблудшими". Любовь - это особый дар благодати Божией; кто потерял благодать, тот потерял истинную любовь. Раскольник, повторим, принимает за любовь свое разгоряченное воображение, голос крови и страстных эмоций, но о духовной любви, по словам священномученика Киприана, он даже помыслить не может.

Святые Отцы называли гордого сатану "древним злом"; святой Киприан почти теми же словами говорит о раскольниках: "Давно... началось это зло" (Там же), а апостол Иоанн Богослов в своем послании пишет, что предстоятель одной из христианских общин разгорделся до того, что не только не принимает его самого (то есть апостола Иоанна) и его учеников, но и воздвиг на них гонение (см.: 3 Ин. 1, 9-10). Апостол Иуда сравнивает людей, не сохранивших единства веры, людей, которые **отвергают начальства и злословят высокие власти** (Иуд. 1, 8), с падшими духами, покинувшими места свои.

Однако хотя "древний дракон" и увел за собой треть Ангелов, но после этой мировой трагедии, потрясшей весь космос, ни один из устоявших в

истине светлых духов уже не пал и не был оболещен. Что же касается человечества, то зло и грех на земле распространяются все больше и ад захватывает своей бездонной пастью все новые и новые жертвы. Любовь, которая объединяет людей, оскудевает и уменьшается, как источники среди жгучих песков пустыни. Грех не может объединить, он только разделяет, разрывает, дробит и отчуждает друг от друга.

Расколы и ереси увлекают все больше людей - так растет на глазах лавина снега, сорвавшаяся с вершины горы. Раскол становится одним из апокалиптических бедствий, горькой чашей зла, вылитой на землю. Особенно много расколов и разделений будет при кончине века. Раскол не только ексклесиологическая, но и психологическая ересь. Святой Киприан приводит слова апостола Павла: **Наступят времена тяжкие... люди будут самолюбивы** (2 Тим. 3, 1-2)... (далее перечисляются душевные свойства отступников). Одна из причин раскола - уязвленное самолюбие. Каждый раскольник считает, что он несправедливо обойден и обижен, что его блестящие дарования дают ему право на особое место в Церкви, которого его несправедливо лишают. Но все сразу не могут быть первыми: на кресле предстоятеля невозможно усесться и уместиться всем, кто желает себе этой чести. Самолюбивый человек ненавидит высшего, завидует равным по положению и презирает низших. Уже в сердце своем он отчуждил себя от братьев, он убил любовь к ним прежде, чем стать раскольником.

Слова апостола Павла о развращении людей в последние времена (см.: 2 Тим. 3, 1-9) священномученик Киприан относит прежде всего к раскольникам. Раскольники, противостоящие Церкви и ее иерархии, подобны египетским волхвам Ианнию и Иамврию, которых фараон (образ демона) послал на борьбу с Моисеем.

В 3-й главе Первого послания "апостола языков" к Тимофею подробно разбираются психологические основы раскола, те страсти, которые подтачивают веру в Церковь, подтачивают, как термиты - здание. Термиты огромными стаями день и ночь неустанно грызут под землей фундамент, и здание, внешне весьма прочное, неожиданно падает как бы под собственной тяжестью.

Апостол Павел пишет, что эти **люди... невежды в вере** (2 Тим. 3, 8); здесь вера рассматривается как внутренняя интуиция - способность проникновения в духовный мир и умение отличать в этом мире свет от тьмы, истину от лжи. Среди раскольников и еретиков древних и новых времен были люди, обладавшие обширной эрудицией, - Ориген, блестящим знанием философии, - Аполлинарий, личным подвижничеством, - Полихроний и Несторий, красноречием, - Арий, трудами по экзегетике, - Феодор Мопсуестский и т. д. Но они, не будучи включенными во внутреннюю жизнь Церкви, не покоривши ей свой ум, оказались похожими на безумца, наносящего острым мечом раны самому себе и думающего при этом, что он поражает врагов.

Вера - это не только "сумма теологии", но прежде всего способность к общению с Божеством, то, что мы называем контактом, возможным только в

Церкви и через Церковь. Какими бы внешними знаниями ни обладал раскольник, он все равно будет лгать в вере: так человек, обладающий громким голосом, но лишенный слуха, запев, будет издавать лишь крики, похожие на рев осла. По словам апостола Павла, эти люди имеют **вид благочестия, силы же его отреклись** (ср.: 2 Тим. 3, 5). Апостол предвозвещает, что **их безумие обнаружится перед всеми** (2 Тим. 3, 9). По мысли Киприана Карфагенского, раскол так же выявляет это безумие, как гнойник обнаруживает яд, уже содержащийся в крови.

Святой Киприан пишет: "Предсказанное <апостолом Павлом> исполняется, и с приближением кончины века являются уже таковые люди и настают такие времена" (Там же. С. 191). Из Священного Писания мы знаем о двух потопах: водном - при Ное - и огненном - долженствующем быть при конце мира. И одному, и другому предшествует иной потоп - нечестия и греха, достигших необычайных размеров; можно сказать, что потоп греха материализуется в мировые катастрофы и катаклизмы. Православные храмы остаются островками среди этого потопа - словно вершины гор, которые еще высятся над темной бушующей стихией. Но демон, как стратег, продумывает планвойны: демон хочет разрушить стены крепости Православия изнутри, поэтому, повторимся, раскол и подобен мятежу в осажденной крепости: ее защитники должны биться одновременно и с внешними, и с внутренними врагами.

Пророчества сбываются на наших глазах. Потому события, предсказанные апостолами, должны укрепить нашу веру. Если бы не было расколов, то это значило бы, что апостолы ошиблись, но апостолы ясно указали нам на ожидающую нас опасность и заповедали христианам отдаляться от людей, несущих разделение: **Таковых удаляйся** (2 Тим. 3, 5). "Убегайте, молю вас, от таковых людей и, как смертельную заразу, отдаляйте от себя и от слуха вашего пагубные разговоры их, по Писанию: **...не слушай языка нечестивого** (Сир. 28, 28)^[1]", - говорит Киприан Карфагенский (Там же). Как ни жаль нам больного, пораженного смертельной заразной болезнью, но к его одру должен подходить только опытный врач, который сможет помочь (если еще имеется надежда) и при этом сможет соблюсти меры предосторожности.

Другие люди не принесут больному пользы, а приблизившись, только заразятся от него, получают невидимый яд, даже через дыхание. Святитель Киприан говорит, что надо не только удаляться, но и "бегать от всякого отделившегося от Церкви" (Там же). Раскольник - "враг алтаря, возмутитель против Жертвы Христовой, изменник в отношении веры, в отношении благочестия святотатец; непокорный раб... презревши епископов и оставивши священников Божиих, он дерзает устроить другой алтарь... ложными жертвоприношениями осквернять истину Жертвы Господней" (Там же. С. 191-192). Далее священномученик вспоминает наказание, постигшее раскольников Ветхозаветной Церкви - Корея, Дафана и Авирона: их живыми поглотила земля, а соучастников раскола испепелил огонь. До этого Моисей и Аарон повелели народу отойти **от шатров** бунтовщиков; те, кто

послушался, спаслись, те, кто остался с ними, - погибли (см.: Чис. 16, 1-35). Разверзшаяся земля означает преисподнюю, а пламя - вечные муки ада.

Святой Киприан пишет: "...да не колеблет и не смущает нас крайнее и неожиданное вероломство" (Там же. С. 191). Кто вчера был другом, сегодня стал врагом. Тот, с кем вчера вместе стояли у престола, покинул его, как перебежчик во время боя покидает полковое знамя, перед которым он давал присягу и которое он должен был защищать до смерти. Тот, с кем недавно причащались из одной Чаши, теперь отрицает Таинства Церкви, и для него эта страшная таинственная Чаша уже не более свята, чем кухонная посуда. Некоторые современные раскольники боятся прямо сказать это: одни из них заявляют, что они не знают, есть ли в Церкви благодать, но - тогда зачем они ушли от Церкви? Другие говорят, что, может быть, в Церкви существует благодать, но меньшая, чем в их общине. Однако в таком случае они становятся на экуменическую позицию: говоря о различных конфессиях как о ветвях на общем стволе христианства, они совершают то, против чего сами горячо выступали и ненавистью к чему оправдывали свой раскол, - так противоположности сходятся. Но на самом деле, отрицая Церковь, они отрицают благодать, действующую в ней, и поэтому, отвернувшись от престола, отвергают Того, Кто пребывает на нем.

Добрый человек, будучи обманутым по своей простоте, может случайно оказаться в расколе, но находиться в нем долго ему не даст его собственная совесть - этот таинственный голос духа; такой человек не вынесет смрада раскольничьих собраний - той духовной тяжести, тех демонических сил, которые заставляют душу тосковать и как бы сжиматься от боли в предчувствии вечной гибели. К таким людям обращается святитель Киприан: "Если же спасительный совет не может вернуть на путь спасения некоторых вождей раскола и виновников несогласия, пребывающих в слепом и упорном безумии, то, по крайней мере, вы, уловленные простодушием, или завлеченные обманом, или обольщенные какою-либо ловкою хитростью, - расторгните коварные сети, познайте правую стезю Небесного пути" (Там же. С. 196). И сделать это надо немедленно: так человек во время пожара должен покинуть горящее здание, не думая о своем имуществе, чтобы не оказаться погребенным под упавшей кровлей.

Священномученик Киприан пишет: "Возлюбленнейшие братья, советую и убеждаю, чтобы никто... не погибал" (Там же). Вся жизнь этого святителя была посвящена служению Церкви, борьбе против сатанинских сил за каждую человеческую душу, он действительно жил для того, "чтобы никто не погибал". Для этого он принял сан епископа, для этого писал послания, как бы горящие огнем его собственного сердца, для этого бесстрашно исповедовал перед язычниками православную веру и мужественно принял смерть, засвидетельствовав истину мученичеством - "чтобы никто не погибал".

Путь православного христианина, современника святителя Киприана, лежал между двух пропастей: слева - язычество, бездна, похожая на львиный ров Даниила, где голодные звери питаются человеческими телами и ждут

новых жертв (см.: Дан. 6, 16); справа - яма раскола, прикрытая сверху ветвями и травой, - путник, думая, что перед ним раскинулся луг с цветами, сделал опрометчивый шаг и падал вниз. Поэтому "змеиная песня" раскола опаснее "львиного рева" язычества. В язычестве ясная альтернатива: или отречение от Христа, или гонение и смерть. А в расколе отречение от Христа происходит во имя Христа. Язычество обольщает явными чувственными грехами, а раскол - мнимой праведностью, в которой находят удовлетворение тайные страсти: гордость, непослушание, мятежный дух и зависть.

Святитель Киприан сравнивает Церковь с такой матерью, которая держит у своей груди человеческую душу, словно младенца, и питает ее своей благодатью, словно молоком. Раскольники вырывают детей из объятий матери и вместо молока вливают в их уста желчь. Вожаков раскола святитель называет пребывающими в "слепом и упорном безумии" (Там же) - они как бы закрывают свои глаза и уши, чтобы не видеть и не слышать того, что обличает их грех. Они боятся истины, поэтому, еще не выслушав, опровергают, не прочитав, отрицают. Они лишены способности объективно мыслить, как лишен этой способности человек, одержимый сильной страстью. Самое большое безумие - потерять Бога, поэтому Церковь в своих литургических гимнах называет "безумцами" всех еретиков и раскольников. Эти люди - *душевные, не имеющие духа* (Иуд. 1, 19), хотя в мирском плане они могут быть людьми весьма одаренными.

Господь назвал фарисеев *слепыми вождями* (ср.: Мф. 23, 16). Ветхозаветные и новозаветные фарисеи скрупулезно рассматривают каждое правило, но видят только словесную оболочку, так как забывают, что основа всех канонов, заповедей и пророчеств - это любовь к Богу и людям.

Господь говорит о внутренних очах сердца (см.: Еф. 1, 18). Очи веры - таинственное и сокровенное зрение - это не Православие внешних правил (хотя и оно необходимо), а Православие сердца, которое образуется через аскезу всей жизни, особенно через подвиг послушания и смирения. Гордость ненавидит послушание; по словам праведного Иоанна Кронштадтского, "она не может сгибать ни перед кем свою медную выю". "Кого слушаться? - с презрением спрашивает духовный гордец. - В наше время слушаться некого" (единственное-де исключение - он сам). "Кого слушаться?" - спрашивает раскольник. "Как кого слушаться, слушайся меня", - отвечает диавол. "Где теперь духовные отцы!" - восклицает раскольник. "Я давно твой духовный отец", - говорит все тот же диавол, черный епископ раскола.

Священномученик Киприан пишет: "Бог один и один Христос, одна Церковь Его и вера одна и один народ, совокупленный в единство тела союзом согласия" (Там же. С. 197). Так всегда верила Вселенская Церковь. "Единство не должно дробиться; также не должно дробиться и одно тело... все, что только отделилось от жизненного начала, не может... жить и дышать особою жизнью" (Там же). Если экуменизм мы сравним с наростом или опухолью на теле, на определенной стадии переходящей в рак, то раскол - это уже разлагающийся труп.

Святитель Киприан пишет: "Пусть никто не удивляется... что даже некоторые из исповедников доходят до того же <раскола> и потому столь же нечестиво и тяжело согрешают" (Там же. С. 193). Исповедник - тот, кто пострадал ради веры во Христа, но не был предан смерти. Такие люди пользовались особым уважением в Церкви, к их голосу прислушивались на соборах, их просьбы о прощении грешников, особенно ходатайства о принятии в евхаристическое общение "падших" (отрекшихся от Христа во время гонений), обычно учитывались и исполнялись иерархами: кровь исповедников как бы смывала темные пятна позора "падших" и умоляла Бога о милости к изменившим Ему. Но "исповедание не освобождает от козней диавола и находящемся... в сем мире не доставляет всегдашней защиты от искушений, опасностей, нападений и ударов века" (Там же).

Напротив, грех исповедника становится особенно тяжким, так как служит причиной соблазна для многих душ именно из-за славы исповедника как героя веры, который претерпел оковы, ссылки, темницы и пытки ради Христа. Чем выше поднимается подвижник духовно, тем более радостно для бесов его падение. Прошлые заслуги не спасают раскольника от наказания, а только усугубляют его. Если воин, отличившийся на войне, затем составит заговор против своего государя, то его будут судить не как героя, а как изменника. Святитель Киприан пишет: "Он - исповедник Христов, но только в таком случае, если чрез него не хулится потом величие и достоинство Христово. Язык, исповедавший Христа, не должен быть злоречив и сварлив; не должен произносить злословий и ругательств; не должен после хвалебных слов изрыгать змеиного яда на братьев и священников Божиих" (Там же. С. 195).

Здесь священномученик Киприан указывает на грех, который тайно располагает сердце человека к расколу: это грех осуждения. Когда он превращается в страсть и привычку, то властно и постоянно требует себе все новой пищи, а в расколе приготовлены для него самые лакомые блюда. Раб своего языка находит в расколе целую кухню злословия, где в котлах варятся, точно мясо, чужие грехи, обильно приправленные клеветой.

"Это преступление <раскол> хуже того, какое видимо совершили падшие <отрекшиеся от Христа во время гонений>, которые потом, раскаявшись в своем согрешении, умоляют Бога вполне удовлетворительным покаянием. Здесь ищут Церкви и молят ее; там противятся Церкви. Здесь могла довести до беззакония необходимость <пытка>; там - свободная воля. Здесь падший причинил вред только себе; а там усилившийся произвести ересь или раскол увлек за собою многих обманом. Здесь урон для одной души; там опасность для весьма многих. Этот понимает, что он точно согрешил, плачет о том и сокрушается; а тот, гордый в своем грехе и услаждаясь самыми беззакониями, отлучает сынов от матери, переманивает овец от Пастыря, разрушает Таинства Божии, и тогда как падший согрешил однажды, тот грешит ежедневно. Наконец, падший, сподобившийся мученичества, может сподобиться и обетований Царства; а тот, если

претерпит и смерть вне Церкви, не может достигнуть наград Церкви" (Там же. С. 193).

В заключительной части книги святитель Киприан призывает паству исполнять заповеди Евангелия, помогать неимущим и хранить между собой мир и единство. Раскол как удар грома и предвестник будущих испытаний должен пробудить верующих от сна лености (см.: Притч. 19, 15). Сеть раскола, которой диавол хочет опутать Церковь, как гладиатор своего противника, уловляет только надменных, а к смиренным диавол не может даже и прикоснуться. Господь перед Своими страданиями сказал ученикам: ***Мир оставляю вам, мир Мой даю вам*** (Ин. 14, 27).

И святитель Киприан пишет: "В сохранении мира Он <Христос> заключил все дары и награды Своих обетований" (Там же. С. 197). Мир, любовь и единство - наследие Христа. Церковь - это царство Духа Святаго - Духа мира, это сокровищница Любви Христовой, духовное единство по образу единства Святой Троицы. В таинственнейшей из книг Библии - Песни песней - под именем Невесты подразумевается Церковь Христова, а также человеческая душа, которая через Церковь становится Невестой Христа - Его вечной Любовью.

Следует еще раз повторить, что если бы "Книгу о единстве Церкви" священномученика Киприана можно было сократить до нескольких слов, то этими словами стало бы древнее апостольское изречение (цитированное и самим карфагенским святителем): "Кому Церковь не мать, тому Бог не Отец".

Если бы биение сердца священномученика Киприана зазвучало как речь, обращенная к его пастве и потомкам, то это был бы завет: "Любовь - в единстве, и единство - в любви".

Архимандрит Рафаил

Декабрь 1998 г.

Примечание:

1) Этот стих так читается у священномученика Киприана и в Вульгате. - Ред.